

Лоуэлл Джонсон
ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ

Тāхира Муллā Хусайн Қуддӯс

(перевод с английского)

© Духовное Собрание Бахаи России

Lowell Johnson
GOLDEN CROWNS
Тāhirih Mullā Husayn Quddús

(in Russian)

ISBN 5-8742-005-7

Предисловие	3
Тахира.....	7
Мулла Хусейн.....	43
Куддус.....	77
Литературные источники.....	110

Предисловие

Книга «Золотой венец» рассказывает о первых последователях Баба* и Бахауллы**, мученически погибших во имя Веры.

В чем же отличие идей Баба и Бахауллы от других религиозных учений? Почему обыкновенные люди смогли подняться до вершин героизма и принять со славой смерть за эту новую Веру?

Учение Баба и Бахауллы повторяет извечные заповеди, провозглашенные Пророками всех религий. Эти заповеди можно прочесть в небольшой книжечке Бахауллы «Сокровенные слова». Но Баб и Бахаулла к прежним заповедям добавили и новые, ранее никогда не провозглашавшиеся ни одним из Пророков.

Самый главный завет заключается в том, что все люди названы членами одной большой семьи. Бахаулла видит мир как одно большое дерево. «Мы все плоды одного дерева», – говорит Он. Нации и народности – это ветви этого дерева. Мужчины и женщины – это плоды и цветки этого дерева. Подобной заповеди нет ни в одной религии. Все религии прошлого делят людей на верных (дерево добра) и неверных (дерево зла).

«Иные люди спят, и их надо пробудить, – говорит Бахаулла. – Иные больны, – их нужно лечить, иные неразумны, как дети, – их надо учить; но все будут

наделены щедрыми дарами Бога». Согласно религии Бахаи – есть только Один Бог. Препрежние Пророки произносили слова, вложенные им в уста Единым Богом. Значит, может быть только одна религия – религия Бога.

Предназначение религии Новые Учителя видели в объединении людей, в достижении между ними гармонии и согласия. Если же религия порождает разногласия и вражду, если она становится причиной разобщенности людей, то лучше, чтобы в мире вообще не было религии.

Бахаулла учит, что религия должна пребывать в согласии с разумом и наукой. Если же она идет с ними вразрез, то становится просто предрассудком. Раньше человек принимал то или иное вероисповедание не задумываясь, не спрашивая себя, согласен он с его постулатами или нет. Он просто исповедовал ту веру, которую испокон веков исповедовали его предки. У Веры Бахаи другой принцип – не нужно слепо принимать ее Учение, нужно самостоятельно изучить его, самому понять и принять его душой и разумом.

Человечество находится в плену предрассудков: религиозных, расовых, политических. Эти предрассудки – как пороги в ровном течении мирной жизни. Людям необходимо преодолеть барьеры предрассудков и понять истину: все они – единая семья, которую нельзя делить на касты и группировки.

Когда все заповеди Бахауллы будут приняты людьми, то воцарится всеобщий мир и обретут покой все народы на земле, независимо от их цвета кожи, политического режима и форм государственного правления. В этом – отличие Учения от всех прочих. Ни один из Пророков прошлого не обещал людям всеобщего мира.

Баб и Бахаулла учили, что каждый должен стремиться к знаниям, каждому необходимо образование. Учить и мальчиков, и девочек – один из заветов новой религии, провозгласившей равенство полов. В этом еще одно отличие религии Бахаи от других религий, ставящих мужчину выше женщины.

Ни одному религиозному учению не удалось избежать раскола на множество различных направлений и сект. Всегда находились толкователи, которые согласно собственному пониманию объясняли то или иное место Священных Писаний. Чтобы защитить религию Бога и укрепить единство ее последователей был дан Завет. Бахаулла назначил своего старшего сына Абдул-Баха* Средоточием Своего Завета. Он сделал Абдул-Баха единственным толкователем Своего Учения, дал ему исключительное право разъяснять его. И потому, никто другой не мог толковать Божии заповеди согласно своему разумению.

Вот основные принципы Учения, провозглашенного Бабом и Бахауллой. Они во многом отличаются от заповедей других вероучений. В девятнадцатом столетии тысячи бабидов погибли за Веру, но и под страхом смерти не отреклись от нее. Сегодня, в двадцатом веке, образ жизни современных бахаи может служить примером наглядного воплощения этих заповедей. Бахаи стремятся донести эти идеалы до всех людей, где бы они ни жили.

Книга «Золотой венец» Лоуэлла Джонсона повествует о первых последователях Новой Веры, принявших мученический венец, – Тахире, Мулле Хусейне и Куддусе.

Тахире (Тāхира)

1

Тахира в переводе с персидского языка означает «чистая». Так назвал Бахаулла эту последовательницу учения Баба. Так называл ее и Баб. А вот почему ее так называли, вы узнаете, прочитав историю о Тахире.

Тахира родилась в Персии (так назывался раньше Иран) в городе Казвине в 1817 году. В то время Казвин был одним из главных центров религии мусульман – Ислама. В жизни семьи Тахиры религия была самым главным. Ее отец и дядя были известными в стране священниками. Старший брат Тахиры пошел по стопам отца, посвятив себя богословию. В доме часто беседовали о Боге, об обрядах и обычаях мусульман. И с самого раннего детства девочка присутствовала при этих разговорах. Ее сверстники весело играли, а Тахира подолгу и с интересом слушала взрослых, стараясь не пропустить ни слова. Но с каждым днем девочка все яснее сознавала, что и взрослые не до конца понимают религию и не все могут объяснить в ней. Что такое религия в своей духовной сути, что составляет душу самой религии, – не известно и взрослым. Это открытие подтолкнуло ее к самостоятельному поиску.

Слух об умном и чрезвычайно одаренном ребенке быстро разлетелся по всему Казвину. Хотя при рождении девочка получила имя Фатима Умм Салама, никто не называл ее так. Все звали ее Заррин-Тадж, что означает «Золотой венец».

В те времена на Востоке положение женщины в обществе было унижительным. К женщинам относились как к созданиям низшего порядка, полагая, что удел их – вести дом да присматривать за детьми. Обычай предписывали женщине скрывать на людях свое лицо, закутываясь с головы до пят в чадру и оставляя только узкую щелочку для глаз. Именно поэтому среди сотен учеников, приходивших к отцу Тахиры на уроки богословия, не было ни одной девушки.

Однако юной Заррин-Тадж отец позволил посещать свои уроки. Но при этом она должна была сидеть позади всех в углу за занавеской, чтобы ни один ученик не знал о ее присутствии. Таково было условие, поставленное отцом. Не раз отец сокрушался о том, что Заррин-Тадж не родилась мальчиком. «Сын обязательно продолжил бы дело отца и преумножил славу нашего рода», – вздыхал он. Разве он мог тогда знать, что великую славу их семье принесет именно его дочь, Заррин-Тадж!

Маленькая Заррин-Тадж была несказанно счастлива, что ей разрешили посещать уроки отца. Но как же трудно было сдержать обещание сидеть молча, когда в ее золотой головке теснилось столько сомнений и вопросов! «Учитель, Вы ошиблись», – слышалось однажды из-за занавески. Отец страшно рассердился – не столько из-за сделанного замечания, сколько из-за того, что она нарушила их договор. Теперь все узнают, что за занавеской сидит девочка. «Вы ошиблись, учитель», – повторила Заррин-Тадж и доказала неправоту отца. Отец был поражен разумностью ее слов, и с того дня ей было позволено участвовать во всех спорах и беседах.

Когда Заррин-Тадж исполнилось тринадцать лет, ее выдали замуж за двоюродного брата, Муллу Мохаммада, и, как положено у мусульман, родители невесты устроили свадьбу. Заррин-Тадж вышла замуж не по своей воле и выбору; вопреки своему желанию она вынуждена была переехать в дом к мужу. У нее родилось трое детей. Но все же большую часть времени Заррин-Тадж проводила в доме своих родителей. Спустя некоторое время она стала последовательницей взглядов Сейида Казима и покинула Казвин. Вот как это случилось.

Куда бы Заррин-Тадж ни приходила, она всегда интересовалась, что читают люди и какие книги есть у них в доме. Однажды, гостя у брата, она увидела на полке книги современных ей авторов – шейха Ахмада и Сейида Казима. Прочитав книги, она попросила их у брата почитать.

«Твоему отцу вряд ли понравится, что ты читаешь подобные сочинения, – сказал брат. – Эти авторы расходятся с ним во взглядах на религию». Ответ брата только подогрел интерес Заррин-Тадж. Ведь и она во многом была с отцом не согласна. Она обещала брату, что не помнет ни одной странички, не запачкает ни одного листочка, и в конце концов брат уступил ее просьбе.

В тех книгах говорилось о времени, когда появится Божий Посланник, Который осуществит то, что было обещано Пророками всех религий человечества и, в первую очередь, сказанное Пророком Мухаммадом в Его Книге – Коране, Священной Книге мусульман. Кто же были эти люди, так просто и понятно излагающие свои мысли? Заррин-Тадж захотелось познакомиться с ними. Но шейх Ахмад умер за несколько лет до этого, а Сейид Казим жил в иракском городе Кербеле. Однако ни в Персии, ни в Ираке женщинам не разрешалось путешествовать без сопровождения мужчин.

Все сильнее разгорался интерес Заррин-Тадж к тому новому, что проповедовали шейх Ахмад и Сейид Казим. Муж и остальные родственники сердились на нее – ведь Заррин-Тадж не скрывала от них своих взглядов. Один раз она поделилась с дядей сокровенным желанием: «Как темен и беден наш народ, как унижена женщина. Но настанет день, и на земле воцарятся прекрасные законы. В мир придет новый Учитель. И мне бы хотелось, дядя, стать первой женщиной, которая будет служить новому Пророку!»

Заррин-Тадж пыталась поговорить с отцом, но тот не желал и слушать. Тогда она написала письмо самому Сейиду Казиму с просьбой ответить на ее вопросы. Вскоре ответ пришел. Простота и логика ответа вызвали у Заррин-Тадж еще большее восхищение автором тех строк. Она тут же написала ему очередное длинное послание, в котором восхваляла учение шейха Ахмада и в то же время защищала его от нападок противников. Она по-своему объясняла то, о чем писал шейх Ахмад. Сейид Казим ответил и на это послание. Его письмо начиналось словами: «О, услада моих очей, радость моего сердца!» По-персидски слова «услада моих очей» звучат как Куррат уль-Айн (Қуррат аль-'Айн). Так Заррин-Тадж получила новое имя.

2

После того, как Куррат уль-Айн (теперь мы будем ее называть так) получила очередное письмо от Сейида Казима, она твердо решила ехать в Кербелу, чтобы повидаться с ним. Но как это осуществить? Отец ни за что не позволил бы ей отправиться одной в многодневное путешествие по пустыне. И вот что придумала Куррат уль-Айн.

Кербела – один из священных исламских городов. Каждый год паломники отправляются к святым местам – в Мекку, Медину или Кербелу. Куррат уль-Айн всегда мечтала побывать в святых местах, но не надеялась, что это когда-нибудь ей удастся. Ведь существовали законы, по которым женщина была лишена всяких прав. Однако, посоветовавшись с сестрой, она все-таки сказала отцу о своем желании совершить паломничество. Отец, конечно же, знал, что как только она приедет в Кербелу, то тотчас же навестит Сейида Казима. «В любом случае, – подумал он, – следует ее отпустить. Посещение святынь Ислама повлияет на ее взгляды и она снова станет истинной мусульманкой».

Паломничество в Кербелу состоялось в 1843 году, когда Куррат уль-Айн было двадцать шесть лет. К тому времени она была матерью троих детей – двух сыновей и дочери. Слава о ней, как о замечательной, самой образованной женщине, разнеслась по всему Ирану. Как бы нам хотелось иметь портрет или фотографию Куррат уль-Айн! Но, к сожалению, ни один художник, ни один фотограф так и не запечатлел лица Куррат уль-Айн при ее жизни. У нас есть только один портрет великой дочери Ирана – портрет, созданный нашим воображением.

Когда Куррат уль-Айн достигла Кербелы, она сразу же направилась к дому Сейида Казима. Но там ее ждала печальная весть – за десять дней до этого Сейид Казим покинул сей мир. Какой это был удар для Куррат уль-Айн! Несколько дней она безутешно плакала, скорбя о своем наставнике. Видя, как неподдельно ее горе, как опечалена она из-за несостоявшейся встречи, семья Сейида Казима пригласила ее остаться в их доме. Ей разрешили читать все творения учителя, многие из которых еще не были опубликованы. Куррат уль-Айн училась сама и занималась с учениками Сейида Казима. Но и теперь, проводя занятия, она оставалась за занавеской, как когда-то в детстве на уроках отца. И странно было ученикам, приходившим на ее уроки, не видеть своего учителя, а только слышать голос, раздававшийся из-за плотной занавески.

3

Три года пробыла Куррат уль-Айн в Кербеле. Чего только не случилось за это время! Однажды ночью Куррат уль-Айн увидела во сне какого-то человека, который, преклонив колена на небесах, словно на земле, творил молитву, произнося незнакомые слова. Некоторые из этих слов Куррат уль-Айн запомнила и, проснувшись поутру, сразу записала.

Через несколько дней пришло письмо от сестры; она писала, что ее муж Мирза Моххамад Али отправляется на поиски Обетованного. Тотчас же Куррат уль-Айн написала письмо, запечатала его и попросила Мирзу передать его Обетованному. «Ты обязательно Его встретишь и узнаешь. Скажи Ему от моего имени: “Свет лица Твоего коснулся глаз моих, а лучи устремились ввысь надо мной”. Потом Он скажет: “Не я ли Бог ваш?” – “О да, это Ты, это Ты наш Бог”, – ответят все».

Мирза Моххамад Али взял письмо и отправился в путь. Он встретил Баба в Ширазе, узнал Его и стал Шестнадцатой буквой Живущего*. Передав Бабу письмо от Куррат уль-Айн, он передал то, что она просила. Прочитав письмо, Баб тотчас же объявил Куррат уль-Айн Семнадцатой буквой Живущего.

Куррат уль-Айн была единственной, которая, не встретив Баба в жизни, узнала Его во сне и стала одной из букв Живущего.

Когда Мулла Али, Четвертая буква Живущего, собрался покинуть Шираз, Баб велел ему отправиться в Кербелу и рассказать о новой Вере. При этом Он вручил ему Свои скрижали, написанные на арабском языке. Читая их, Куррат уль-Айн узнала слова, когда-то услышанные ею ночью во сне и записанные утром, и убедилась, что Баб из Шираза и был Тот Самый Человек, Который явился ей в сновидении.

Куррат уль-Айн так жаждала получить вести о Бабе, что даже не дала Мулле Али отдохнуть с дороги. Долгое время расспрашивала она его, задавая все новые и новые вопросы, пока не утолила свой интерес.

Много раз перечитывала она сочинения Баба, а потом решила перевести Его писания на персидский язык. Но эта одаренная женщина не только переводила книги, она написала свои сочинения о Бабе и посвятила Ему стихи и поэмы.

В Кербеле Куррат уль-Айн не пребывала в одиночестве, вместе с ней там находились еще три женщины. Это были мать и сестра Муллы Хусейна и женщина по имени Шамс-и-Зоха, что значит «Утреннее солнце» (она вошла в историю Веры как бабушка Мирзы Джалаля, ставшего мужем дочери Абдул-Баха Рухе-ханум).

Скоро уже все в Кербеле знали, что Куррат уль-Айн – последовательница Баба, – бросая вызов традициям Ислама, открыто проповедует новую Веру в самом центре священного мусульманского города.

В годовщину мученичества имама Хусейна, когда все мусульмане облачаются в траур, Куррат уль-Айн призвала женщин отказаться от этого обычая: «К чему нам траурный наряд? Надевайте самые светлые и яркие одежды. Ведь сегодня день рождения Баба – день великого счастья и радости».

Когда духовенство Кербелы узнало, что говорила Куррат уль-Айн в день скорби, то обратилось к правителю края, чтобы тот наказал неверную. Правитель был страшно разгневан и повелел немедленно задержать женщину, дерзнувшую нарушить священные обычаи. Куррат уль-Айн подвергли заключению. Три месяца ей не разрешали выходить из дома, и никто не мог посещать ее. Вскоре до нее долетела весть, что Баб созывает всех бабидов в иранской провинции Хорасан. Даже заключение не сможет удержать ее от поездки в Иран! Но как же выбраться из заточения? Куррат уль-Айн написала письмо правителю и сообщила, что хочет оставить Кербелу и переселиться в Багдад (Багдад находился недалеко от границы с Ираном). Священнослужители пытались воспрепятствовать ее отъезду, говоря, что путь в Багдад слишком труден и опасен. На самом-то деле они желали удержать ее, ибо правитель еще не объявил, какое наказание Куррат уль-Айн должна понести за нарушение мусульманских обычаев. Они жаждали ее публичного наказания. Их уговоры не подействовали на Куррат уль-Айн. К каждому из священнослужителей она обратилась с письмом, в котором объясняла причину своего отъезда. «Никакие опасности не существуют для того, кто исполняет волю Божию!» – вот что писала она.

Наконец разрешение покинуть город было получено. Однако, по указу правителя, Куррат уль-Айн принудили оставаться в Багдаде до вынесения окончательного приговора. Сборы в дорогу не заняли много времени. Сопровождали ее несколько женщин и Мирза Мохаммад Али, который передал ее послание Бабу в Ширазе. Когда путники выезжали из города, встречавшиеся на пути жители бросали в них камнями.

Прибыв в Багдад, Куррат уль-Айн всецело посвятила себя новому Учению. Знавшие ее прежде приходили послушать ее; их поражала сила и убедительность ее речей. «Это совсем не та Куррат уль-Айн, которую мы знали раньше!», – говорили они. Ее проповеди собирали огромные толпы, и многих они побудили принять за самостоятельное постижение Истины. Следом за ней в Багдад потянулись ее прежние ученики. Среди них теперь были не только мужчины, но и женщины. Огромной притягательной силой обладала Куррат уль-Айн! Как и раньше, в Кербеле, в Багдаде сторонница нового учения приглашала богословов принять участие в беседах на духовные темы. Но и здесь она встретила враждебное отношение к себе. Духовенство ополчилось против Куррат уль-Айн, и это недовольство дошло до правителя Багдада. Чтобы оградить Куррат уль-Айн от нападков со стороны священнослужителей, правитель повелел ей и сопровождавшим ее женщинам поселиться в доме главного судьи и ждать дальнейших указаний.

Три месяца провела Куррат уль-Айн в доме судьи. Каждое новое утро она начинала с молитвы и медитации – размышлением о Боге и Деле Божиим. В еде она была очень умеренна и часто постилась.

Судья не переставал удивляться этой умной и отважной женщине, готовой отдать жизнь за Дело Божие. Позднее в своих воспоминаниях он напишет о ней: «У этой женщины были такие знания, образование и добрая душа, каких мне не довелось встретить ни у одного из великих мужей нашего столетия». Однажды судье принесли письмо. По приказу султана Куррат уль-Айн должна была на следующий же день покинуть Ирак. Сборы начались немедленно. За ней решили последовать более тридцати ее единомышленников. Иные были родом из Ирака, иные – из Ирана. Разрешение отбыть вместе с ней было получено для всех. Чтобы охранять путников в пути, судья отправил с ними небольшой конный отряд из десяти всадников. Так, по-королевски, в сопровождении конников, они доехали до границы. Теперь им предстояло путешествовать одним. Их путь лежал через город Керманшах.

5

Слух о прибытии в город Куррат уль-Айн и ее друзей тотчас же облетел весь Керманшах. Жители спешили к дому, где она остановилась, чтобы увидеть эту удивительную женщину. Князья, священники, министры – и те желали навестить ее. Всем Куррат уль-Айн читала сочинения Баба и отвечала на вопросы слушателей. Ее речи произвели сильное впечатление и на самого правителя города. Он не скрывал своего восхищения и уважения к Куррат уль-Айн. Услышав, как она толкует идеи Баба, правитель Керманшаха признал и принял Дело Божие.

Но не все были настроены столь дружелюбно, как правитель. Особенно недовольны были священнослужители. Градоначальнику посыпались ложные доносы на Куррат уль-Айн и ее спутников, и тот повелел немедленно выгнать всех бабидов из города. С его попустительства бесчинствующая толпа мусульман, напав на дома бабидов, разграбила их нехитрое имущество. Без запаса продовольствия и смены белья, без теплых одеял путники вынуждены были покинуть город.

Куррат уль-Айн отправила письмо правителю, поведав ему о приказе градоначальника. «Мы были в Керманшахе гостями. Неужели в вашем городе принято так обходиться с гостями?» Правитель, возмущенный случившимся, просил Куррат уль-Айн забыть о нанесенной обиде и вновь вернуться в город. Но Куррат уль-Айн отвергла приглашение. Ведь Керманшах – это только остановка в пути. А путь ее лежал в Хорасан, куда она так страстно стремилась.

Во время очередной остановки в деревне Хамадан Куррат уль-Айн встретила своих братьев из Казвина, и они передали ей письмо от отца. Отец просил, чтобы дочь хоть ненадолго заехала домой. Ей очень не хотелось возвращаться, но она решила исполнить просьбу отца.

В Казвин ее сопровождали только несколько человек, остальных она просила остаться в Хамадане.

6

Как только Куррат уль-Айн прибыла в родительский дом, состоялся семейный совет. Куррат уль-Айн объяснила родным, что она решила посвятить свою жизнь Учению Баба. Отец был потрясен силой ее убежденности. Он сказал ей: «Ну, если бы ты, такая умная и образованная, объявила бы себя Бабом или кем-то подобным, я бы принял это. Но я не могу признать правильным твой нынешний выбор следовать за каким-то юношей из Шираза».

Куррат уль-Айн ответила отцу: «С теми знаниями, которыми я обладаю, невозможно было совершить ошибку в отношении Того, Кого ждут все народы, Того, Кого явил Бог для всего человечества. Я приняла Его разумом, я узнала Его благодаря моим знаниям. Но все мои познания всего лишь капля в сравнении с тем великим океаном знаний, которыми наделен Баб».

На отца ее слова произвели огромное впечатление. Но даже такому умному и образованному человеку мешали предрассудки мусульманского общества. Он видел в Куррат уль-Айн только собственную дочь, а не яркую выдающуюся личность. «Если бы ты была моим сыном, объявившим себя Бабом, я поверил бы в это», – все повторял он.

Этот разговор привел в бешенство дядю Куррат уль-Айн, Муллу Таки. Весь вечер он не переставал проклинать Баба. Не в силах сдержать ярость, Мулла Таки несколько раз набрасывался с кулаками на Куррат уль-Айн. Она же оставалась тверда и спокойна и только однажды произнесла фразу, оказавшуюся впоследствии пророческой: «О, дядя, в твоих словах – ненависть, злоба и кровь. Я даже вижу, как эта кровь изливается из твоих уст».

Муж Куррат уль-Айн требовал ее возвращения домой. Она должна жить с ним, как подобает замужним женщинам, и заниматься хозяйством. Но Куррат уль-Айн не желала жить с человеком, с которым у нее не было ничего общего. Она так ответила мужу: «Если бы ты действительно был мне верным мужем, то поспешил бы за мной в Кербелу и пешком сопровождал бы меня оттуда домой. Тогда я пробудила бы тебя от твоего неведения и указала тебе путь Истины. Ты не пожелал поступить так. Видно, посчитал, что это не важно. Мы прожили врозь три года. Ни в этом мире, ни в том, в котором я скоро окажусь, – никогда я не буду с тобой вместе. Отныне я вычеркнула тебя из своей жизни».

Ответ Куррат уль-Айн привел в ярость ее мужа и свекра. Тут же они попытались распространить слух о безумии Куррат уль-Айн. «Эта женщина потеряла рассудок, – уверяли они жителей города, – и все, что она говорит, лишь заблуждения ее больного ума». Но Куррат уль-Айн сумела постоять за себя: и речами своими, и своими поступками она доказала всем, что находится в здравом уме. А уж если кто и лишился рассудка, так это ее исполненный гордыни и вероломства муж.

Отец Куррат уль-Айн попытался примирить дочь с мужем, но безуспешно. Спустя несколько недель они развелись.

А в это время в Казвине случилось такое, что причинило много тревог и волнений Куррат уль-Айн. Ее дядю, Муллу Таки, убили. Это была месть за ранее свершившееся по приказу дяди убийство одного из спутников Куррат уль-Айн. Семья Муллы Таки виновницей его смерти считала Куррат уль-Айн. Вы ведь помните, что сказала она на семейном совете: «Я даже вижу, как эта кровь изливается из твоих уст». Теперь эти слова и были истолкованы родственниками как приказ убить дядю. Куррат уль-Айн посадили под домашний арест и приставили к ней солдат. Из комнаты ей разрешалось выходить раз в сутки для утреннего туалета.

Духовенство решило, что настало самое подходящее время избавиться от бабидов: всех их отправили в Тегеран, в тюрьму. Но жажда мести помutila разум родственников Муллы Таки. Они желали смерти бабидов. О случившемся стало известно самому шаху. Шах распорядился отпустить невиновных бабидов: казни должен быть предан только убийца. Но настоящий убийца скрылся от наказания, и семья Муллы Таки обвинила в убийстве невиновного, шейха Салиха. Ему зачитали приговор. Шейх Салих шел к виселице, но на его лице не было ни страха, ни печали. Он был преисполнен радости и спешил навстречу палачу, словно это был близкий друг. Перед казнью он сказал прекрасные и вдохновенные слова о Бабе:

«Я отказался от Ислама, когда признал Тебя. Теперь Ты, Баб, моя надежда и моя вера».

...Его похоронили во внутреннем дворе одной из усыпальниц.

Но даже казнь шейха Салиха не утолила жажду мести родственников Муллы Таки. Когда бабиды вернулись из тегеранской тюрьмы, они нашли свою смерть в Казвине. Толпа, вооруженная ножами, мечами и копьями, напала на беззащитных людей и изрубила их на куски. Останки были разбросаны и смешаны с землей, так что собрать и похоронить тела погибших было невозможно. И такое злодейство было совершено во имя Мухаммада в Казвине, в городе, где проживало не меньше сотни верховных священнослужителей Ислама!

Но и на этом жестокие родственники не остановились. Теперь они требовали такой же страшной участи и для Куррат уль-Айн! Узнав о готовящейся над ней расправе, Куррат уль-Айн написала письмо бывшему мужу, который в то время занимал высокое положение в кругах духовенства. «Если мое дело – дело Истины, если Бог, Которому я поклоняюсь и служу – истинный Бог, то не пройдет и девяти дней, как Он вызволит меня отсюда. Если же мой Бог не вызволит меня из этого дома, вы вольны сделать со мной, что пожелаете», – так написала Куррат уль-Айн.

О грозящей опасности и смелом заявлении Куррат уль-Айн узнал Бахаулла. Чтобы помочь Куррат уль-Айн выбраться из заточения, в Казвин направился ее старший брат, Мохаммад-Хади. Он вез для пленницы письмо от Бахауллы, в котором говорилось о том, как организовать побег. Письмо должна была передать жена брата Хатун-джан.

Хатун-джан как могла помогала своей родственнице в эти трудные для нее дни, она была верным другом. Она придумывала всяческие поводы, чтобы навестить находившуюся в заточении Куррат уль-Айн: то она отправлялась к ней под предлогом стирки белья, то для того, чтобы отнести пищу или одежду.

Бахаулла велел Хатун-джан переодеться в нищенские лохмотья, встретиться с Куррат уль-Айн, вручить ей письмо и ждать у входа. Как только Куррат уль-Айн выйдет, они должны поспешить к указанному месту, где их будет ждать Мохаммад-Хади с оседланными лошадьми. До рассвета им нужно успеть добраться до Тегерана и, как только поутру откроют городские ворота, следовать прямо к дому Бахауллы. При этом необходимо соблюдать величайшую осторожность, никто не должен узнать Куррат уль-Айн. «Всемогущий направит ваши стопы. Устремитесь к Нему мыслями, и Он станет вам верной защитой», – так заканчивалось письмо Бахауллы.

Все вышло так, как задумал Бахаулла. Не прошло и часу с момента получения письма, как Куррат уль-Айн незаметно проскользнула мимо охраны и вышла к ожидавшей ее подруге. Без особых осложнений они добрались до Тегерана и в назначенный час прибыли в дом Бахауллы.

А тем временем весть о побеге облетела весь Казвин. В поисках беглянки обошли все дома, но нигде не нашли следов ее пребывания.

Видите, и девяти дней не прошло, как Куррат уль-Айн выручили из беды. Многих тогда удивило, как точно сбылось предсказание Куррат уль-Айн об ее скором освобождении. Иные задумались над ее словами, и, поняв истинность новой Веры, стали последователями Баба.

7

Так Куррат уль-Айн оказалась в доме Бахауллы. Она уже знала, Кто Такой Бахаулла. В написанных ею в Кербеле поэмах говорилось о двух Пророках Божиих. В них легко угадывались Баб и Бахаулла. Куррат уль-Айн узнала в Бабе Пророка,

хотя никогда не видела Его наяву. Духовным зрением она сумела увидеть и грядущую славу Бахауллы.

Однажды знаменитый ученый муж по имени Вахид посетил дом Бахауллы, чтобы побеседовать с Куррат уль-Айн. В это время она была занята игрой с сыном Бахауллы, трехлетним Абдул-Баха и, казалось, совсем не спешила прервать ее ради встречи с Вахидом. «Разве ты не оставишь ребенка и не выйдешь к великому Вахиду?» – поинтересовался кто-то из домочадцев. Но Куррат уль-Айн еще крепче прижала к себе сидящего у нее на коленях малыша и сказала: «Как же я оставлю тебя, защитника Дела Божия, ради одного из последователей этого Дела!» Все, кто слышал эти слова, были удивлены и не поняли, что она имела в виду. Теперь многие считают, что Бахаулла посвятил ее в тайну, рассказав о том, какое будущее было уготовано Абдул-Баха.

Тем временем долгожданная встреча в Хорасане должна была вот-вот начаться. Сопровождать Куррат уль-Айн в Хорасан поехал брат Бахауллы, Ага Калим. Как всегда, при выезде из города нужно было соблюдать предельную осторожность: страже отдал приказ не выпускать из ворот ни одной женщины. Но путники были твердо убеждены, что Всемогущий «станет им верной защитой». И когда они добрались до городских ворот, никто из стражников не обратил на них внимания. Без остановок мчались они верхом на лошадях, опасаясь возможной погони. После нескольких часов пути они увидели у подножия гор прекрасный фруктовый сад. Среди деревьев виднелся дом. Путникам необходимо было сделать передышку – Куррат уль-Айн очень устала после скачки. Ага Калим, спешившись с лошади, направился к дому. Но, похоже, дом давно пустовал. Обойдя его, он увидел старика, поливавшего деревья. «Не вы ли хозяин этого дома и прекрасного сада?» – любезно спросил Ага Калим.

«Я всего лишь сторож, да заодно присматриваю за садом, – ответил старик. – А хозяев здесь нет. Два брата давно затеяли тяжбу, споря, кому принадлежит дом, и суд до сих пор не может решить этот вопрос». Это была приятная новость. Значит, Куррат уль-Айн здесь будет в безопасности. Ага Калим попросил старика позаботиться о женщине, пока она будет отдыхать на своем пути в Хорасан, и тот согласился.

После того, как Бахаулла узнал, что все устроилось как нельзя лучше и Куррат уль-Айн ничто не угрожает, он назвал это место «Райским Садам»: «Этот дом был приготовлен Всемогущим, чтобы принять в нем Его возлюбленную».

Целую неделю прожила в Райском Саду Куррат уль-Айн, а затем вновь продолжила свой путь.

8

Сбор бабидов состоялся в начале лета в маленькой деревушке Бедашт, расположенной между Тегераном и Мазендараном. Это было малолюдное место, окруженное садами и лугами.

Прибыв в Бедашт, Бахаулла снял три домика: один для Куддуса, предводителя бабидов, другой – для Куррат уль-Айн и третий – для Себя. Расположенные кругом дома буквально утопали в садах. В центре этого круга было открытое место, где бабиды могли беспрепятственно собираться и совещаться. Всего на сборе присутствовало восемьдесят один человек. Каждому Бахаулла дал новое имя, с которым принявший Веру должен был войти в новую жизнь. Сам же Он принял имя Баха, данное Ему Бабом. Куррат уль-Айн получила имя Тахира, что (как вы помните) означает «чистая». Некоторые усомнились: так ли уж чиста в своих

помыслах и поступках эта женщина, чтобы носить имя Тахира. Об их сомнениях стало известно Бабу. Он не мог присутствовать на сборе, так как еще раньше был схвачен и заключен в тюрьму. Всем усомнившимся Баб писал из Своего заточения: «Что Мне еще сказать вам о той, кого Голос Власти и Славы назвал Тахира?» Этими словами Баб дал понять, что нисколько не сомневается в мудрости Бахауллы и полностью согласен с новым именем Куррат уль-Айн. С тех пор она стала известна как Тахира.

Но все же многие были недовольны тем, что женщине позволено участвовать в совещании наравне с мужчинами, пусть даже находясь за занавесью. Баб еще не успел поведать Своим последователям, что Дело Божие – это начало Новой Эры, которая в корне изменит все старые законы. Возвестить об этом Он и поручил Бахаулле, Куддусу и Тахире. Потому-то Тахира говорила всем тем, кто выражал недовольство: «Мы с вами ведем разговор о Боге, о религии, о духовности и обо всем, что выводит нас на путь Истины. Знайте же, что каждый наш шаг – шаг по Тропе к Богу. Готовы ли вы последовать этой Тропой за нами?»

Однажды Бахаулла заболел и не мог выходить из дома. Куддус, а за ним и все остальные, собрались возле дома Бахауллы. Все, кроме Тахиры. Присутствовать среди мужчин ей не разрешили.

Тахира передала Куддусу записку с просьбой навестить ее. Куддус отказался. Его отказ никого не удивил. Никто даже не придавал этому значения. Но то, что произошло потом, повергло в изумление всех. Тахира сама пришла в сад Бахауллы, нарядно одетая и ... с открытым лицом. С величайшим спокойствием и достоинством приблизилась она к Куддусу и села рядом. Испуг, гнев и смущение овладели душами мужчин. Смолкли все разговоры. Многие отвернулись при виде открытого лица Тахиры. Говорят, что один из присутствующих, посчитав себя опозоренным после того, как увидел открытое лицо женщины, бежал прочь и в отчаянии перерезал себе горло. Куддус, лицо которого потемнело от гнева, схватился за кинжал. Казалось, сейчас он вырвет его из ножен и убьет Тахиру. Но гнев Куддуса нисколько не смутил женщину. Она поднялась и начала говорить. Ее слова звучали подобно сурам Корана. Свою речь она закончила стихом из Корана: «Воистину будет так: среди садов и рек, в месте Откровения Божия, поселится благочестивый муж в присутствии могущественного Властелина».

И правда, место, где находились бабиды, было окружено садами. Рядом текли реки. Все же никто не мог понять, кого Тахира имеет в виду под могущественным Властелином – Бахауллу или Куддуса. Затем Тахира произнесла: «Я – то Слово, которое должен сказать Обетованный. Слово, которое повергнет в страх всех владык и вождей. Слышите трубный глас?! Это звучит Великая Труба, возвещающая наступление Великого Дня!»

После ее речи Бахаулла вышел из дома и прочел суру Неизбежного из Корана, в которой рассказывается о Дне Обновления. Это был самый важный момент встречи. Он означал, что именно тогда наступил Великий День Обновления.

Тахира обратилась к Куддусу: «Ты не внял иным вещам на своем пути служения Вере Божией». Куддус же ответил: «Я считаю, что поступаю правильно. Я не должен уступать желаниям соратников и потакать прихотям моих друзей». Тогда Тахира обратилась ко всем собравшимся: «Сегодняшний день принесет нам счастье. Мы должны простить друг другу прошлые обиды. Пусть же все, кто разделяет наши убеждения, обнимутся и забудут то недоброе, что было между ними».

Оказывается, в этом был заложен большой смысл, что именно женщина удостоилась чести провозгласить наступление Новой Эры. Новая Эра должна была во многом отличаться от прошлой. Отныне, впервые в истории, женщина ставилась на одну ступень с мужчиной. На нее была возложена почетная обязанность

объявить о том, что пришел конец старым законам и провозгласить грядущие перемены!

Но великие перемены связаны с великими испытаниями. Некоторые бабиды начали сомневаться в правильности своих действий. Одни думали, что в отсутствие Баба не стоило низвергать старые порядки. Другие считали, что только Тахира может быть судьей во всех вопросах. Третьи доверяли только Куддусу. А четвертые полагали, что правы оба – и Тахира, и Куддус, и что собрание в Бедаште – это испытание их веры.

Спор между Тахирой и Куддусом длился несколько дней. Иной раз Тахира говорила своим сторонникам: «Куддус совершил много ошибок! Баб послал меня сюда, чтобы уберечь Куддуса от новых заблуждений». «Кто действительно заблуждается, так это Тахира, – убеждал бабидов Куддус. – Те, кто последует за ней, собьются с истинного пути».

Через несколько дней Бахаулла выздоровел, и спорам был положен конец. Тахира и Куддус пришли к согласию и решили вместе продолжать служить Делу.

Часть местных жителей была враждебно настроена в отношении бабидов. Вскоре на них было совершено нападение, все имущество разграблено. Так внезапно завершилась встреча, продолжавшаяся двадцать два дня.

После этой встречи по приказу правителя Амуля Бахаулла и Тахира были арестованы в деревне Нейала. Тахиру под конвоем отправили в Тегеран в распоряжение коменданта города, который велел заключить ее в тесной клетушке, попасть куда можно было только с помощью приставной лестницы.

9

Всякий, кто рассказывал историю Тахиры, отмечал, что даже в минуты опасности она была светла и полна сил. Радость светилась на ее лице, счастье, рожденное верой, переполняло ее душу.

Не стоит забывать, что Тахира, вошедшая в историю как мученица, была веселой, жизнерадостной, красивой молодой женщиной. И вот она предстала перед самим шахом. Увидев Тахиру, шах был очарован ею. Через коменданта он передал ей письмо, в котором просил ее отказаться от Веры Баба, снова обратиться к Исламу и стать истинной мусульманкой. Тогда шах женится на ней и сделает ее первой женщиной шахства. Ответ Тахира написала стихами прямо на обороте письма. По-русски этот ответ звучал примерно так:

*Слава, богатство и власть – пусть для тебя это будет;
Странствия бедного дервиша – пусть для меня это будет.
Первое коль хорошо, – пусть для тебя это будет;
Если последнее плохо, пусть для меня это будет.*

«Мир еще не знал такой мудрой женщины, как Тахира», – воскликнул шах, прочитав ее ответ.

Живущие в доме коменданта женщины горячо полюбили Тахиру и просили, чтобы ей позволили жить вместе с ними. Вскоре Тахире отвели на втором этаже чудесную комнату с балконом. И хотя она все еще считалась пленницей и ей не разрешалось покидать дом, она смогла принимать гостей. Многие жители приходили побеседовать с ней. Женщинам Тахира объясняла, какое низкое положение отводит им Ислам и какую свободу и уважение предоставляет религия Баба. После разговоров с Тахирой многие мусульманки задумались об учении Баба. Однажды в доме коменданта справляли свадьбу его сына. Вся городская знать была на этом торжестве. Среди приглашенных были и женщины – княжны, жены министров и прочие важные особы. Комендант не поспешил: столы ломались от

угощений, позвали лучших музыкантов города. Но стоило заговорить Тахире, как внимание всех дам было приковано к ней. Музыка продолжала играть, но о танцах позабыли, и никто не танцевал до конца торжества.

Три года провела Тахира в доме коменданта. Эти годы стали самыми важными в деле ее служения Богу и Вере. Так продолжалось бы, наверное, много лет, если бы не было совершено покушение на шаха. По ложному доносу в покушении обвинили бабидов. «Вряд ли это произошло без ведома Тахиры. Надо бы разузнать, почему к ней так тянутся люди и чему она их учит», – подумал первый министр и отправил двух священников к Тахире. Всю неделю эти богословы провели в беседах с Тахирой. Она пыталась их убедить, что Баб – это Обетованный Имам, Которого ждут и приверженцы Мухаммада.

«Баб не может быть Обетованным, – возражали священники. – В Коране говорится, что Обетованный придет из городов Джабулка и Джабулса, а твой Баб из Шираза».

«Все эти мусульманские предсказания не что иное, как выдумка, – спорила с ними Тахира. – Городов Джабулка и Джабулса нет и никогда не было. Это всего лишь плод воображения. Как же можно этому поверить?»

Но как ни старалась Тахира разъяснить им смысл учения Баба, они упрямо твердили одно – Обетованный придет из городов Джабулка и Джабулса.

В конце концов Тахира потеряла терпение и сказала: «Вы упрямы, как неразумные дети. Доводы ваши – доводы несведущих детей. Сколько же можно повторять эти глупости и ложь? Когда же вы поднимете глаза и устремите их к Солнцу Истины?»

Эти слова страшно рассердили богословов. «К чему нам разговаривать с неверной?» – разозлились они и, вернувшись, вынесли Тахире смертный приговор «во имя Аллаха».

Родственник Тахиры вспоминает, что за день до смерти ее привели к шаху и на его вопрос: «Почему ты веришь в Баба?» – она отвечала цитатой из Корана: «Я не поклоняюсь тому, кому поклоняешься ты. Ты не считаешь Того, Кого почитаю я. Я никогда не буду поклоняться тому, кому поклоняешься ты. Ты никогда не будешь почитать Того, Кого почитаю я. Так пусть же так и будет: я буду служить Тому, Кому хочу, и ты будешь служить тому, кому желаешь». Услышав такой ответ, шах долго молчал, обхватив голову руками, а затем, не проронив ни слова, вышел из покоев. Шах ничего не знал о злодейском намерении казнить Тахиру. Ему сообщили об этом после свершения казни. Узнав о гибели Тахиры, шах долго скорбел и пролил немало слез по женщине, которую так любил.

10

Много написано о смерти Тахиры. По-разному описывают авторы казнь. Но все они сходятся в одном: Тахира чувствовала приближение смертного часа и готовилась к нему, как невеста готовится к венцу. Свою смерть она встретила торжественно и бесстрашно.

Один из авторов пишет, что Тахира обратилась к сопровождавшему ее солдату с такими словами: «Ты легко можешь оборвать мою жизнь, но ты бессилён помешать раскрепощению женщин».

Вероятно, наиболее полно и точно о смерти Тахиры могли бы рассказать жена и сын коменданта, которые были с ней до самой ее смерти. «Хотя указ духовенства о казни был тайным, казалось, что Тахира знает их замысел, – рассказывал сын коменданта. – Утром, в день казни, она спустилась к нашей семье и каждого просила простить ее за то, что надолго задержалась в доме. Как путешественник

перед дальней дорогой, прощалась Тахира со всеми. Перед закатом солнца она вышла на балкон и долго прогуливалась, шепча какие-то слова. Солнце уже давно зашло, а Тахира все еще оставалась на балконе.

Вечером отец пришел в мою комнату и сказал: «Сегодня ночью спать не придется. Я велел всем стражникам не смыкать глаз. Если кто-нибудь узнает о тайном указе, он может попытаться помешать его исполнению. Когда за Тахирой придут солдаты, чтобы отвести ее к назначенному месту, ступай с ними и оставайся там, пока все не свершится. После придешь и доложишь мне. А уж я с этим известием поспешу к шаху»».

Жена коменданта была очень привязана к Тахире и искренне любила ее, хотя и не стала последовательницей Баба. Вот ее рассказ о той ужасной ночи: «В тот вечер Тахира попросила меня зайти к ней. Я была удивлена, когда, войдя в комнату, застала ее в белоснежном шелковом наряде. Комната была наполнена тонким ароматом чудесных духов. «Что значит твой наряд, Тахира?» – спросила я ее. – «Я готовлюсь к встрече с моим Возлюбленным, – ответила она. – Мой срок заточения кончился». На глаза у меня навернулись слезы. «Не надо плакать. Время слез еще не пришло, – успокаивала меня Тахира. – Послушай лучше: мой смертный час близок, и я прошу тебя исполнить мои последние пожелания. Отпусти своего сына со мной к месту казни, чтобы он смог защитить меня, если солдаты попытаются сорвать с меня эту одежду. Пусть мое мертвое тело он опустит в яму и засыплет землей и камнями. Через три дня после моей смерти к тебе придет женщина. Передай ей вот этот пакет. И последнее – не разрешай никому входить ко мне вечером. Я буду молиться, и никто не должен нарушать моих молитв. А теперь, прошу, оставь меня. И храни тайну о моей казни, пока враги сами о ней не объявят». Я вышла, заперла на ключ ее дверь и направилась к себе. Слезы душили меня. У себя в комнате я не переставала молиться о ней: «О, Аллах, да будет воля Твоя, отведи от нее смертную чашу, которую она готова испить»».

Несколько раз я тихонько приближалась к дверям ее комнаты и слышала, как Тахира читает молитвы. Глубокой ночью раздался стук в ворота. Я поняла, что это пришли за ней. Тотчас же я побежала к сыну и передала ему последнюю просьбу Тахиры. Он дал слово исполнить ее волю. Сын спустился и открыл ворота. Пришедшие солдаты требовали вывести Тахиру. Чуть не падая, я побрела к комнате Тахиры и отперла дверь. Тахира уже была готова идти. Шагнув ко мне, она обняла меня и поцеловала: «Я хочу, чтобы ты не забывала меня. Вот ключ от моего гардероба, возьми что-нибудь себе на память. Глядя на мои вещи, ты вспомнишь и меня». Мы простились, Тахира быстро спустилась, и вместе с моим сыном в сопровождении солдат они направились к месту казни.

Через три часа мой сын вернулся. Его лицо опухло от слез, он не переставал посылать проклятия убийцам. «Вряд ли можно описать, что видели мои глаза, – начал он свой скорбный рассказ. – От нашего дома мы направились к саду Ильхани. Там находился полицейский участок. Я доложил начальнику о прибытии. «Кто-нибудь встретился вам на пути?» – грубо спросил он меня. По его мутным глазам я понял, что он был изрядно пьян. «Нет, никто,» – ответил я. Он позвал солдата и, вытащив из кармана носовой платок, произнес: «Ну-ка, давай поскорее придуши эту бабидку. У нас с ней было много хлопот. Но теперь ей пришел конец! Больше ей не удастся сбивать мусульман с толку!» Солдат взял платок, но лишь он приблизился к Тахире, как та, посмотрев ему в глаза, что-то тихонько сказала. Он повернулся и бросился бежать, обхватив голову руками и что-то бормоча по-турецки.

Тахира подозвала меня: «Я поняла, что они хотят задушить меня. Спроси этого пьяницу, не подойдет ли им мой платок?» С этими словами она протянула мне

шелковый платок. Я снова вернулся в участок. Начальник был так пьян, что не соображал, о чем я говорю. «Не порти праздник, – заорал он на меня. – Не лишай нас удовольствия задушить эту бабидку, а ее тело столкнуть в глубокую яму». Я удивился: это полностью совпадало с тем, о чем просила Тахира. Больше я ничего не стал объяснять ему. Начальник позвал другого солдата, такого же пьяного, как и он сам. «На вид ты бравый, – сказал он солдату. – Посмотрим теперь, каков же ты на деле. Сможешь задушить вон ту женщину?» Не раздумывая, солдат кивнул и, выйдя, направился прямо к Тахире. Шелковый платок быстро обвился вокруг ее шеи. Солдат сильно стянул оба конца. Мне показалось, что время замедлило свой бег. Тахира стала задыхаться и потеряла сознание. Это была долгая мучительная смерть. Убийца ударил уже мертвую Тахиру в бок и в грудь – как бы желая убедиться, что приказ выполнен, – и поспешил доложить об этом начальнику.

Тахира была мертва. Я разыскал садовника и спросил, где можно похоронить ее. Тот показал мне заброшенный недорытый колодец. Бережно опустив туда мертвое тело, я засыпал его землей и заложил камнями. Я сделал все так, как она просила»».

Так оборвалась жизнь великой Тахиры. Это случилось в августе 1852 года. В ту пору Тахире было 37 лет. С того момента, когда она впервые услышала о приходе Баба и до ее мученической смерти прошло меньше девяти лет. Ее жизнь была блистательна и трагична, коротка, но богата событиями. Именно Тахира возвестила на сборе в Бедаште о конце старого миропорядка и начале Новой Эры.

О первых последователях Баба сохранилось мало сведений. Но весть о Тахире быстро распространилась по свету. О ней заговорили не только на Востоке, но и в Европе. Люди разных национальностей, сословий и профессий восхищались ее духовным подвигом. В религии Бахаи Тахиру почитают так же, как Деву Марию (Богородицу) чтут христиане, Сару – иудеи, Фатиму и Асийю – мусульмане.

Эпилог

Приведем высказывания известных людей о жизни Тахиры. Великая актриса Сара Бернар, услышав о казни Тахиры, тотчас же пожелала воплотить этот образ на сцене и заказала для себя пьесу, посвященную Тахире. Но, к сожалению, такая пьеса так и не была написана.

Один из персидских великих князей рассказал на собрании Лиги Наций в 1927 году: «Когда я узнал о казни талантливой поэтессы Тахиры в Тегеране, я проплакал три дня».

Крупнейший писатель и поэт Турции Сулейман Назим-бег написал книгу «Насир ад-Дин шах и бабиды». Главу о Тахире он закончил словами: «О, Тахира, ты стоишь тысячи Насир ад-Дин шахов!» Госпожа Марианна Хайниги из Вены (мать одного из первых президентов Австрии) так отозвалась о Тахире: «Всю жизнь величайшим идеалом женщины для меня была Тахира (Куррат уль-Айн) из Казвина. Когда я услышала о ее смерти, то поклялась, что постараюсь сделать для женщин Австрии столь же много, сколько сделала Тахира для персидских женщин, за что она и приняла мученическую смерть». И госпожа Хайниги сдержала свою клятву. Вряд ли найдется в Австрии человек, добившийся большего в области женских прав, свобод и образования, чем госпожа Хайниги.

Английский историк Эдвард Браун, единственный европеец, который лично встречался с Бахауллой, сказал о Тахире следующее: «Такая женщина, как Куррат уль-Айн – явление редкое для любой страны и любого времени. Но для Персии она – явление уникальное, можно сказать, – чудесное. Красота, редкий ум,

красноречие, бесстрашие, а также обстоятельства ее трагической гибели – все это сделало Тахиру бессмертной в глазах соотечественников. Если бы религия Баба ничего не дала миру, кроме Тахиры, это уже было бы важным и значительным вкладом».

Знаменитый учитель Бахаи Инаб-е-Абид так писал о Тахире: «Люди отзывались о ней с уважением, всех привлекало ее красноречие. Она вселяла надежду в людей, которые к ней обращались за помощью и советом. Даже высокопоставленные особы, и те преклонялись перед ней. Никто не сомневался в ее мудрости и глубоких научных познаниях. Я изучал философию вместе с братом Тахиры Мирзой Абдул-Вахидом. Он поддерживал меня, когда мной овладевали сомнения и я совершал ошибки. Однажды, в жаркий день, я пришел к нему с вопросом, который давно хотел задать, но никак не решался. «Можно мне тебя спросить? – произнес я наконец. – Говорят, Тахира была так умна, что поражала всех своими неслыханными познаниями. Так ли это? Ты как брат знаешь об этом лучше других». Тогда Мирза ответил мне: «К сожалению, ты о ней только слышал, но никогда не видел ее. Она как будто впитала в себя все книги, которые уже написаны и которые еще будут написаны. Она объясняла что-либо, приводя примеры и доказательства из прочитанных книг, так что никто не мог опровергнуть ее или отрицать сказанное».

Потому-то духовенство всячески препятствовало образованию женщин, чтобы они не стали такими, как Тахира. Все эти отзывы о Тахире были сделаны давно. Но огромно ее влияние и на сегодняшнюю жизнь Ирана. Так отцы, желая, чтобы их дочери учились и получали образование, часто говорят им: «Будь похожа на Куррат уль-Айн. Стань такой, как Тахира».

Что еще можно добавить к сказанному?..

Мулла Хусейн (муллā Ҳусайн)

1

История эта берет свое начало в иранском городе Кербеле. 1840-й год. Уже пять лет, как Мулла Хусейн прилежно учится у Сейида Казима, известного ученого-богослова, толкователя Корана. Сейид Казим не только разъяснял Священное Писание, но и возвещал приход нового Пророка Божия.

Мулле Хусейну исполнилось двадцать два года. Он был самым молодым и самым способным из всех учеников. Но от природы скромный и застенчивый, он старался не привлекать к себе особого внимания. На урок он приходил последним и занимал место где-нибудь в дальнем углу, а едва лишь занятие заканчивалось, он первым покидал класс. Он никогда не задавал учителю вопросы, как это делали другие ученики, и никогда не вступал в споры. Он внимательно слушал, жадно впитывая каждое слово учителя.

Однажды Сейид Казим обратился к своим ученикам с просьбой. «Я хочу, – сказал он, – чтобы кто-нибудь из вас отправился в город Исфахан и вручил вот это послание Хаджи Сейиду Мохаммаду Бакиру. Этот влиятельный человек сможет оказать поддержку нашему учению, если мы сумеем убедить его». Несколько раз повторил свою просьбу Сейид Казим, но никто из учеников не спешил откликнуться. Вызвался только один, не слишком блестящий ученик, но ему

учитель не мог доверить такое поручение, ибо не видел в нем умения убеждать других. И тут взгляд Сейида Казима остановился на Мулле Хусейне. «Вот тот, кого я избрал для этого поручения. С Божией помощью тебе удастся выполнить его». Мулла Хусейн просиял от радости. Застенчивость помешала ему вызваться самому. Он поднялся, поцеловал край одеяния Сейида Казима и, не мешкая, отправился в Исфахан.

Через несколько дней Сейид Казим получил письмо от своего ученика, в котором тот сообщал, что Хаджи окажет поддержку Делу Божию. Письмо было вручено прямо на занятии. Сейид Казим зачитал его всем присутствующим и сразу начал писать ответ. Свой ответ он тоже прочитал вслух. В том письме он не поспешил на добрые слова в адрес Муллы Хусейна, хваля его за выполнение задания. Иные из учеников, услышав эту похвалу, подумали, что, должно быть, он и есть Обетованный, о приходе Которого столько раз говорил Сейид Казим. Письмо учителя было полно любви и нежности. Только глупец мог не догадаться, что Сейид Казим прощается с Муллой Хусейном. Учитель чувствовал, что ему уже не придется увидеть своего ученика. Так и вышло. Когда Мулла Хусейн вернулся в Кербелу, учителя уже не было в живых*. Мулла Хусейн пригласил в свой дом самых верных учеников Сейида Казима и попросил их поведать, о чем говорил Сейид Казим перед смертью. Те ответили: «Учитель велел нам оставить родной дом и отправляться на поиски Обетованного. Мы должны очистить наши сердца молитвами и идти искать Его повсюду».

– Так почему же вы еще здесь? – выслушав их, спросил Мулла Хусейн. – Почему не выполнили волю Сейида Казима?

Они же отвечали:

– Одно обстоятельство удержало нас. Видя твое величие, мы подумали: не ты ли и есть Обетованный? Если это так, мы готовы поверить этому и во всем повиноваться тебе.

– Господь с вами! – воскликнул Мулла Хусейн. – Я всего лишь пылинка в сравнении с Обетованным. Если бы вы вслушались в послание Сейида Казима, то не болтали бы такой вздор. Что мы должны сделать немедленно – так это пойти и сообщить всем последнюю волю нашего учителя.

Они навестили и других учеников Сейида Казима. Но лишь немногие из них вняли тому, что сказал Мулла Хусейн. Остальные же, сославшись на неотложные дела, остались дома.

Сам Мулла Хусейн не мешкал. Вместе с братом и племянником он выехал в Наджиф. В пути они устроили сорокадневную стоянку. Постом и молитвой очистили они души свои перед тем, как отправиться на поиски Обетованного. Затем они двинулись к побережью Персидского залива, к городу Буширу.

2

Поиски Обетованного в Бушире не увенчались успехом. Но словно магнитную стрелку, тянуло Муллу Хусейна на север, в Шираз.

У ворот Шираза он велел своим родственникам идти к городской мечети и оставаться там до вечерней молитвы, пока он не присоединится к ним.

У ворот Мулла Хусейн обратил внимание на молодого человека, который, приветливо улыбаясь, шел ему навстречу. Поравнявшись, он обнял Муллу Хусейна, словно старого друга, и пригласил его в свой дом, чтобы тот мог отдохнуть с дороги. Сначала Мулла Хусейн принял этого горожанина за одного из учеников Сейида Казима и, извинившись, отказался от любезного приглашения, объяснив,

что в мечети его ждут друзья. Но молодой человек сказал: «Предоставь их воле Божией. Господь защитит и укроет их, и с ними ничего не случится».

Мулла Хусейн не посмел возразить этому гостеприимному человеку и последовал за ним к его скромному жилищу. У открытых дверей их ждал слуга-эфиоп.

– Войди сюда с миром, не мешкай, – произнес хозяин. Этими словами Пророка Мухаммада он пригласил Муллу Хусейна к себе в дом.

«Слова из Корана в первом же доме – добрый знак!» – подумал, входя, Мулла Хусейн.

Муллу Хусейна усадили, и слуга-эфиоп принес кувшин с водой. Хозяин дома пожелал сам омыть усталые ноги Муллы Хусейна. Потом он предложил гостю прохладное питье и горячий чай. После чая Мулла Хусейн поблагодарил молодого хозяина и хотел было отправиться к друзьям, но тот остановил его.

– Ты обещал пойти к ним, если будет на то воля Божия. Но у Бога на этот раз другие намерения. Он хочет, чтобы ты остался здесь и совершил вместе со мной вечернюю молитву.

Опустившись на колени друг подле друга, они начали молиться.

– О, Господи! – молился Мулла Хусейн, – всей душой стремился я отыскать Твоего Посланца. Я ни разу не усомнился в правоте слов Твоих, но я обошел немало городов и отчаялся найти Обетованного.

Когда молитва закончилась, хозяин спросил у Муллы Хусейна, кого тот считает своим духовным наставником после смерти Сейида Казима.

– Наш учитель велел нам странствовать до тех пор, пока мы не встретим Обетованного.

– А не дал ли учитель какие-нибудь приметы, по которым можно узнать Его?

– О да! Обетованный – прямой потомок Мухаммада со стороны Фатимы, дочери Пророка. Ему больше двадцати, но нет еще тридцати лет. Он обладает глубокими познаниями, хотя нигде не учился. Он среднего роста, прекрасно сложен и не курит.

На какое-то время воцарилось молчание, а затем молодой человек произнес:

– Взгляни, ведь это мои приметы.

Мулла Хусейн не поверил. Он вспомнил рассказ учителя о мудрости и глубоких познаниях Обетованного, коими не наделен никто из живущих на земле. Он было заговорил об этом, но боясь обидеть хозяина, тут же прервал себя. Но все же ему надо было испытать этого человека. Еще в Кербеле он узнал, каким образом можно убедиться, действительно ли человек, назвавшийся Обетованным, является таковым. Он должен будет сам, без всякой просьбы, объяснить суру Юсуфа из Корана и растолковать смысл одного из сочинений самого Муллы Хусейна.

Робея, он протянул свое сочинение хозяину. Тот, полистав его, закрыл и начал толкование. Это заняло у него всего несколько минут.

– Ну, а теперь обратимся к суре Юсуфа, – сказал он. Теперь дальнейшие доказательства были излишни. Сев подле Него, Мулла Хусейн смотрел, как Он Своей рукой пишет пояснения, и вслушивался в Его удивительные слова.

– Право Господа испытывать Своих слуг, слугам же не дано судить о Боге согласно своим скудным меркам, – сказал под конец хозяин. – Скоро настанет День, когда все народы земли, и на востоке, и на западе, устремятся к вратам Бога и станут просить Его о милости. Усомнившиеся же и медлящие не удостоятся ее. Каждый, внимающий зову собственного сердца, должен сейчас же отправляться на поиски Обетованного.

От всего услышанного голова у Муллы Хусейна шла кругом. Он был не в силах подняться со своего места. Хозяин, глядя на него, улыбнулся и сказал: «Всякий, увидев тебя сейчас, скажет: “Бедняга, он лишился рассудка”».

Солнце давно уже закатилось и наступила ночь, когда хозяин произнес: «Эту ночь и этот час отныне будут праздновать как величайший из всех праздников. Воздадим же Богу благодарение, ведь Он милостиво помог тебе достигнуть того, к чему так стремилось твое сердце».

Вскоре хозяин велел подать обед. Освященная молитвой пища придала Мулле Хусейну не только физическую, но и духовную силу. Совершенно позабыв о времени, он внимал словам молодого человека. Для обоих ночь пролетела незаметно. Их беседу прервал донесшийся с улицы призыв к утренней молитве. И тогда впервые Мулла Хусейн ощутил в душе покой. «Слава Тебе, Создатель! Хвала Тебе, Господи, и благодарность за то, что Ты помог мне обрести мир и покой».

А молодой человек так сказал своему гостю: «Воистину говорю тебе, первому, поверившему в Меня. Я – Баб, Врата Бога, а ты – Баб-уль-Баб – Врата Врат. Слушай же: восемнадцать человек по собственной воле должны принять Меня и признать истину Моего Откровения. Без всяких указаний и подсказок, а лишь по зову собственного сердца, должны они отправиться на поиски и найти Меня. Одного из них Я выберу, чтобы он сопровождал Меня в Мекку и Медину. Остальные должны рассеяться по всем странам, дабы нести людям нашу Веру и помогать им искать Слово Божие. Пусть идут они из города в город, из деревни в деревню, выполняя свое предназначение и пробуждая души людей. Теперь ступай к своим друзьям в мечеть, а Я приду туда позже. Не показывай виду, что мы знакомы и что тебе известно, Кто Я Такой».

3

Как вы думаете, что должен испытывать первый приверженец новой религии, какие чувства волнуют его душу? «Как удар грома среди ясного неба было для меня признание Баба, – рассказывал Мулла Хусейн. – Некоторое время я не видел и не слышал, что происходит вокруг. Ноги мои онемели, руки тряслись. Я ощутил слабость и беспомощность. Я не мог понять, что же произошло. Случившееся было слишком удивительным и великим, чтобы быть правдой. Но потом я почувствовал прилив сил. Мужество и отвага влились в меня, душа моя преисполнилась счастьем. Если бы тогда, в ту самую минуту, несметные полчища поднялись против меня, я сумел бы противостоять им. Окружающий мир казался мне пригоршней пыли в моих руках. Мне слышался глас архангела Гавриила, призвавшего все человечество пробудиться от долгого сна, ибо рассвет уже занялся и Врата Божии распахнулись для всех. «Войдите сюда, о народы мира, – возвещал Гавриил, – ибо пришел Обетованный!»

В таком удивительном душевном состоянии, сгорая от желания поделиться с друзьями тем, что с ним произошло, Мулла Хусейн пришел в мечеть. Но он сдержал обещание, данное Бабу, и промолчал о случившемся. С этого дня, следуя велению Баба, Мулла Хусейн начал свои проповеди.

С каждым днем все больше людей приходило на проповеди к Мулле Хусейну. Его вдохновенные речи пробуждали сердца. Даже муллы и городские власти приходили послушать его.

Несколько раз Баб приглашал его к себе, и после вечерней молитвы Мулла Хусейн спешил в Его дом, где незаметно, в беседе, пролетала целая ночь. Во время одной из ночных бесед Баб сказал:

– Завтра в Шираз придут тринадцать человек. Каждого прими с любовью и радушием, потому что они посвятили себя поискам Возлюбленного. Молись Богу, чтобы Он милостиво позволил пройти им по их пути, который тоньше волоса и острее лезвия меча. Некоторые из них уже отмечены знаком Божиим – это Его

любимые ученики. Некоторые находятся пока на полпути. Судьба же остальных не прояснится до тех пор, пока все тайное не станет явным».

На следующее утро прибыли тринадцать человек, о которых говорил Баб. А спустя несколько дней их представитель Мулла Али обратился к Мулле Хусейну.

– Ты показал нам пример, и мы, вслед за тобой, оставили свой дом в поисках Обетованного. Ты знаешь, как мы доверяем тебе. Если бы ты назвал себя Обетованным, мы бы, не усомнившись, поверили тебе. Мы пришли по твоим стопам и готовы принять любого, на кого ты укажешь нам как на Обетованного. Мы готовы к любым испытаниям, которые выпадут на нашу долю.

Мы видим, что ты начал проповедовать среди людей и, кажется, больше не ищешь Обетованного. Скажи нам, почему?

– Твои друзья думают, что я успокоился, потому что нашел здесь признание и достиг успеха. Как далеки они от истины. Меня не привлекают ни почести, ни земные блага. Отправляясь в путь, я обещал Богу, что отдам жизнь за Его Дело. Огонь, пылающий в моей душе, можно потушить только кровью, которую я готов пролить во имя Него. Неужели твои друзья не догадались, что Бог открыл Мулле Хусейну свои Врата, и поэтому нынче я так спокоен, – отвечал Мулла Хусейн.

Мулла Али понял смысл слов Муллы Хусейна. Со слезами на глазах молил он Муллу Хусейна открыть им, кто же Обетованный.

– Прошу, не спрашивай об этом. Доверься Богу, Он направит твои стопы и успокоит волнение твоего сердца, – ответил ему Мулла Хусейн.

Мулла Али поспешил к друзьям и рассказал им об услышанном. Это известие окрылило людей и зажгло огонь в их сердцах. Они разошлись по своим жилищам. Усердной молитвой и постом они стали готовить себя к встрече с Возлюбленным. На третью ночь поста Мулле Али было видение. Откуда-то сверху пролился свет. Мулла Али последовал за лучом, и пред ним предстал Лик Обетованного. Мулла Али проснулся и, преисполненный радости, бросился в комнату Муллы Хусейна. Тот заключил друга в объятия со словами: «Хвала Богу, который ведет нас и указывает путь».

На рассвете они поспешили вдвоем к дому Баба. У дверей их встретил слуга-эфиоп.

– Перед рассветом мой хозяин велел открыть дверь и ждать у входа двоих гостей, – сказал он им.

Тут Мулла Али впервые увидел Возлюбленного. О том, что происходило в его душе, мог знать только Мулла Хусейн, испытавший подобное несколько дней назад. Казалось, все вокруг пело и возвещало: «Воистину, воистину наступил рассвет Нового Дня!»

В течение нескольких последующих дней остальные двенадцать человек также встретились с Обетованным. Иные увидели Его во сне, иные – когда бодрствовали. Одним Он открылся через молитву, другим – во время самоуглубленной медитации. И каждый приходил к Мулле Хусейну поделиться великой радостью, и каждого Мулла Хусейн вел к дому Баба.

4

Однажды, во время ночной беседы, Баб сказал Мулле Хусейну:

– Семнадцать Букв Живущего уже собрались вместе. Остается еще последняя, чтобы завершить этот ряд. Все Буквы поднимутся, дабы провозгласить Дело Мое и укрепить Мою Веру. Завтра вечером сюда прибудет последняя Буква, и тогда все будут в сборе.

Вечером следующего дня Мохаммад-Али, названный впоследствии Куддусом, встретил Баба у ворот Шираза и признал Его.

Когда по повелению Баба все Буквы Живущего собрались вместе, Он каждому дал задание. Мулла Хусейн был убежден, что именно его Баб изберет для совместного паломничества в Мекку, но Баб выбрал Куддуса.

– Не печалься, – сказал Баб растроенному Мулле Хусейну. – Тебя ждет особое поручение. Ты должен пробудить неверующих и с Божией помощью просветлить их разум. Тебе будет дана огромная духовная власть, и Божии ангелы будут хранить тебя. Тот, кто любит тебя, любит Бога. Тот, кто против тебя, против Бога. Кто поможет тебе, тому поможет Бог, а кто откажет тебе, тому откажет и Бог.

Храня слова Баба в своем сердце, Мулла Хусейн отправился в путь, чтобы во всех городах поведать людям о великом предназначении Обетованного. Он говорил, что явился новый духовный Учитель, написавший книгу, которая превосходит Коран.

Священнослужители Исфахана, узнав, о чем говорит народу Мулла Хусейн, разгневались и испугались. Муллы, разумеется, не приняли всерьез слова о том, что есть Некто величественнее Мухаммада, и есть Книга, более великая, чем Священный Коран. Но они боялись, что многие поверят Мулле Хусейну и отвернутся от Ислама. И духовенство обратилось к властям города, требуя запретить Мулле Хусейну проповедовать среди людей. Власти поначалу не приняли во внимание эти жалобы и даже посоветовали священникам прислушаться к тому, что говорит Мулла Хусейн: а вдруг в его словах есть правда? Так Мулла Хусейн смог продолжать свои проповеди.

Но во всем Исфахане только один человек сразу и безоговорочно принял Новую Веру. Человек этот занимался тем, что просеивал пшеницу. Несколько лет спустя, во время сражения у форта шейха Табарси, он пришел на помощь бабидам. Он бежал вслед за ними, не выпуская из рук своего сита. Встречавшиеся ему на пути люди интересовались, зачем ему сито. «Я несу это сито, чтобы просеивать через него людей. В каждом городе я отбираю людей, которые присоединятся ко мне. Я зову их поспешить со мной на поле мученичества», – так отвечал им приверженец Баба, о котором позже Баб напишет в своей Священной Книге «Байан».

5

В Тегеране Мулле Хусейну посчастливилось раскрыть священную тайну. Вот что это была за тайна.

Как-то он беседовал с учителем богословия и толкователем Корана. Один из учеников случайно услышал их разговор и ему захотелось взглянуть на Муллу Хусейна. Ночью, когда Мулла Хусейн заснул у себя в комнате, ученик пробрался к нему. Проснувшись от шороха и увидев в комнате постороннего человека, Мулла Хусейн не рассердился на юношу за его любопытство, а стал задавать вопросы.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Мулла Мохаммад. А родом я из Нура, провинции Мазендаран.

– А скажи мне, не здесь ли проживает семья Мирзы Бузурга и столь же умны и прекрасны его дети, как был их покойный отец?

– Да, – ответил ученик, – один из его сыновей очень похож на своего отца. Его отличают благородство и ум. Живет он со всеми в любви и согласии.

– Чем он занимается?

– Он дарит печальным веселье, а голодных насыщает.

– А какое положение он занимает в обществе?

– У него нет ни чинов, ни званий. Он только помогает бедным, а с незнакомыми обращается как с друзьями.

– Как его имя?

– Хусейн-Али.

– Как он обычно проводит время?

– Он гуляет в лесу, наслаждаясь красотой природы.

– А сколько ему лет?

– Двадцать восемь.

В течение всего разговора Мулле Хусейна охватывало все большее и большее волнение. Скоро вы сами поймете, почему.

– Ты часто видишься с ним?

– Да, я бываю у него дома.

– Не передашь ли ты ему от меня этот сверток?

– Буду рад оказать вам услугу, – любезно ответил ученик.

Мулла Хусейн отдал ему сверток, где находились сочинения Баба, и просил вручить его на рассвете.

Вы догадались, кто такой был Хусейн-Али? Он позднее стал известен под именем Бахаулла.

Прочитав переданные Ему сочинения Баба, Бахаулла обратился к своему брату с такими словами:

– Истинно говорю, если кто-либо из приверженцев Корана, признающих его Божественное происхождение, хоть на мгновение усомнится в том, что слова эти, затрагивающие все струны человеческой души, наделены силой, что способна возрождать души, он собьется с верного пути и будет скитаться во тьме своего заблуждения.

Больше Бахаулла не сказал ничего. Он только послал в дар Мулле Хусейну головку русского сахара и упаковку чая. Тогда в Иране товары эти были большой редкостью.

Мулла Мохаммад принес подарки Мулле Хусейну. Тот принял их с низким поклоном, а затем, обняв Муллу Мохаммада, сказал:

– Мой любезный друг! Я молю Бога, чтобы Он сделал тебя счастливым и наполнил сердце твое неиссякаемой радостью.

Через несколько дней Мулла Хусейн покинул Тегеран и направился в Хорасан. Прощаясь, он сказал Мулле Мохаммаду:

– Не говори никому, что ты видел и слышал здесь. Сохрани это в тайне. И никому не называй Его имени, потому что найдутся злодеи, которые вознамерятся убить Его. Когда станешь молиться, проси Бога, чтобы Тот защитил Его. Наш с тобой долг – поведать всем о наступлении Нового Дня. Многим в Тегеране суждено будет отдать жизнь за Дело Божие. Но кровь погибших напоит Древо Господне. Оно вырастет, корни его окрепнут, и оно всем даст приют под своей кроной.

Исполненный счастья и воодушевленный, Мулла Хусейн рассказывал жителям Хорасана о новой Вере. Его речи были так вдохновенны и убедительны, что побудили многих принять учение Баба. Уверовал в Него и глава мусульманской церкви. Казалось, что скоро весь народ примет новую Веру. Мулла Хусейн известил Баба о положении дел и послал Ему список имен тех, кто принял Веру.

Его послание очень обрадовало Баба. Эту радость поделил с Ним и Куддус: никогда раньше он не видел Баба таким счастливым. Теперь Баб был уверен, что и после Его ухода дело будет продолжено. Особые надежды Он возлагал на Бахауллу. После столь радостных известий из Хорасана Баб решил, что наступило время паломничества в Мекку и Медину.

Завершив паломничество в священные города, Баб собирался направиться в Кербелу. Туда устремились и все желающие увидеть Его. Однако Баб решил вернуться в Шираз, и Он известил об этом своих приверженцев. Всем бабидам Он велел ехать в Исфахан, город, расположенный севернее Шираза, и там ждать Его дальнейших указаний.

Прибытие Баба нарушило спокойное течение жизни в Ширазе. Для тех, кто жаждал встречи с Ним, въезд в город стал небезопасен. Поэтому Мулла Хусейн и его товарищи, приближаясь к Ширазу, облачились в одежды, которые носят жители других провинций Ирана, чтобы ничем не отличаться от обыкновенных путешественников.

В Ширазе Баб скрывался в доме Своего дяди. Получив известие, что Мулла Хусейн с товарищами прибыл в город, Он велел дяде ночью встретить Муллу Хусейна и привести к Нему. Несколько раз по ночам они встречались и беседовали, а вскоре Баб велел и остальным бабидам из Исфахана перебраться в Шираз и заняться здесь любой работой, какую только смогут найти.

Были в окружении Баба люди, чья вера не была твердой и искренней. Их устремления были корыстны. Они надеялись, что с утверждением бабидов они обретут привилегии и власть. Зависть и ревность обуяли их, когда они увидели, какое внимание Баб уделяет Мулле Хусейну. Они принялись настраивать остальных против Муллы Хусейна. Но на их наговоры никто не обращал внимания, и злопыхатели так и остались в меньшинстве. Тогда они открыто перешли на сторону противников Баба. Они начали сеять смуту и подстрекать людей на беспорядки, чем доставили немало беспокойства городским властям, так что те в конце концов приказали им покинуть Шираз.

Все больше и больше становилось людей в Ширазе, которые приходили к дому Баба. Увидев, что народ отворачивается от Ислама и обращается к новой Вере, правительство встало на сторону духовенства, которое давно пыталось свести счеты с Бабом. В июне 1847 года Баб был заключен в тюрьму высокогорной крепости Махку.

Тем временем Мулла Хусейн вернулся в Хорасан, чтобы продолжать служение Делу. Он поведал жителям Хорасана об удивительной Вере и о приходе Обетованного. В начале 1848 года он решил навестить своего Возлюбленного. Друзья собрали ему в дорогу припасы и привели коня, но Мулла Хусейн ото всего отказался.

– Я обещал Богу, что вынесу все трудности и преодолею все расстояния, что отделяют меня от моего Возлюбленного Учителя.

Он проделал весь тяжелый путь пешком и лишь через четыре дня после Новруза, под вечер, добрался, наконец, до тюрьмы. Он встретился с комендантом тюрьмы Али-ханом и произвел на него столь сильное впечатление, что тот сказал Бабу:

– Если ты желаешь беседовать с Муллой Хусейном всю ночь, я готов позволить это.

Так состоялась встреча Баба и Муллы Хусейна. А следом за ним к тюрьме, где томился Святой Узник, потянулись другие ученики. И всем им Али-хан разрешал повидать Возлюбленного.

Мулла Хусейн получил немало наставлений от Баба. Узнал он и о том, что должно скоро случиться, ибо Баб сказал ему: «Через несколько дней Меня переведут в другую тюрьму. А ты ступай теперь в Мазендаран».

Слова Баба о переводе в другую тюрьму оказались верны. Кто-то из надзирателей донес правительству, что Али-хан слишком дружелюбно настроен к

Бабу и позволяет Ему видеться с учениками. Говорили, что такое расположение к Бабу вызвано желанием Али-хана выдать за Него свою дочь. Первый министр, услышав подобное, приказал немедленно перевести Бабу в крепость Чехрик, где условия содержания узников были более суровыми.

7

А путь Муллы Хусейна тем временем лежал в Мазендаран. Ведь именно там, по словам Баба, он найдет спрятанное сокровище и узнает о том, как ему следует поступать дальше.

В Барфуруше Мулла Хусейн навестил Куддуса, который принял его как самого дорогого гостя. Он омыл усталые, стертые в долгих странствиях ноги Муллы Хусейна, усадил его на самое почетное место за столом и как самого уважаемого человека представил своим друзьям.

После обеда гости разошлись, а Мулла Хусейн и Куддус долго беседовали.

– Баб не дал мне никаких наставлений, как поступать и что делать, – сказал Мулла Хусейн, – Он только говорил мне о каком-то спрятанном в Мазендаране сокровище. Я найду его и тогда буду знать, что мне делать дальше. Из Его слов я понял лишь одно – что я никогда больше не увижу Его и скоро сам погибну на стезе служения Ему. Он сказал так: «Великий праздник нашей гибели близок! Пусть же никто не сможет удержать тебя на твоём пути к цели. Достигнув цели, ожидай и Меня, ибо Я не замедлю последовать за тобой».

Выслушав друга, Куддус показал ему какую-то записку. Прочитав написанные слова, Мулла Хусейн поднялся, поклонился Куддусу и произнес:

– Куддус, ты и есть то сокровище, о котором говорил мне Баб. Мой Учитель сейчас далеко в тюрьме, отражение Его славы – передо мной.

Он решил, что отныне до конца своих дней будет служить Куддусу, следовать за ним и выполнять его волю. Он сделает все возможное, чтобы Куддус был в безопасности. В то время многие бабиды видели в Мулле Хусейне своего учителя, стоящего ближе всех к Бабу. Но он был честен перед самим собой и обладал чистой душой: считая, что Куддус более значительная и выдающаяся личность, чем он сам, Мулла Хусейн признал себя слугой Куддуса. У многих ли из нас хватило бы мужества поступить так?

8

Наутро в дом Куддуса вновь пришли гости. Как же они были удивлены переменой, происшедшей за ночь. Еще вчера в доме главенствовал Мулла Хусейн, а Куддус прислуживал ему. Теперь же все изменилось. Гости слышали, как Куддус приказал Мулле Хусейну:

– Сейчас ты пойдешь и поговоришь с Сайдуль-Уламой, главой духовенства, а потом отправишься в Машхад. Там ты выстроишь дом, где мы будем жить и принимать гостей. В этот дом ты будешь приглашать каждого, в ком увидишь чистую душу. Мы подготовим людей к принятию Веры и вместе с ними привлечем и остальных к Делу Божию.

Разговор с Муллой Хусейном только разозлил Сайдуль-Уламу. После встречи с ним Мулла Хусейн отправился в Машхад. Прибыв на место, он купил участок земли и начал строительство дома. Он назвал его «Дом Баба». Многие в Машхаде стали последователями Баба, и городские власти, недовольные этим, велели Мулле

Хусейну покинуть их город. Сотни людей пришли попрощаться с Муллой Хусейном. Многие просили взять их с собой. Всего же к нему присоединилось там двести два человека.

Перед самым отъездом из Машхада появился посыльный от Баба и передал Мулле Хусейну от Него письмо и тюрбан. В письме говорилось, что Мулла Хусейн должен надеть тюрбан Баба, символ Его рода, и под черным знаменем поспешить на выручку Куддусу, которого схватили после встречи бабидов в Бедаште и заключили под домашний арест в доме одного родственника.

Прочитав послание Баба, Мулла Хусейн надел зеленый тюрбан, оседлал коня, дал команду своим товарищам и под черным флагом выступил из города. Люди с радостью последовали за ним. Это было 21 июля 1848 года.

9

Жителям каждого города, что лежал на их пути, бабиды рассказывали о наступлении Нового Дня и призывали их вместе с ними поспешить на выручку Куддусу. Однажды, во время остановки в одном из маленьких городков, Мулла Хусейн сказал бабидам:

– Если кто-то из вас не готов пожертвовать собой за Божие Дело, пусть возвращается назад. Он несколько раз повторил это, а затем продолжил:

– Скоро семьдесят два человека примут смерть за нашего Возлюбленного. Если в вас есть хоть капля страха, вы должны уйти, потом будет поздно. Дрогнули сердца у двадцати спутников, и они повертели своих лошадей к дому.

Тем временем в Барфуруше стало известно, что приближается Мулла Хусейн со своими единомышленниками. Тогда Саид уль-Улама, ненавидевший Муллу Хусейна с тех самых пор, как тот рассказал ему о Бабе, поспешил в мечеть и созвал всех мусульман. Когда собравшиеся заполнили всю площадь перед мечетью, коварный Саид уль-Улама обратился к ним с такими словами:

«Пробудитесь и будьте начеку. Враги Мухаммада приближаются к нашему городу. Они осквернят и уничтожат нашу святую веру. И мы, правоверные мусульмане, должны дать им отпор, иначе всех нас перебьют. Главный злодей у этих неверных – Мулла Хусейн. Однажды он пришел ко мне на занятия и нанес мне ужасное оскорбление в присутствии учеников, призвав отступить от нашей веры. А когда я отказался, пригрозил, что силой заставит меня сделать это. И вот теперь враги уже у ворот Барфуруша. Все жители города, и стар, и млад, должны выступить против этих людей. Берите ружья и ножи, палки и камни – на рассвете мы должны вступить в бой со злодеем Муллой Хусейном и его приспешниками».

Жители города не на шутку испугались, услышав о грозящей опасности. Им было невдомек, что бабиды собирались мирно и спокойно пройти через их город, рассказывая об Обетованном. Поверив словам Саида уль-Уламы, они начали готовиться к сражению.

Мулла Хусейн догадывался о том, что затевает Саид уль-Улама. Во время их давней беседы он доказал главе мусульман, что Баб и есть Обетованный. Но Саид уль-Улама был упрямым и честолюбивым человеком и никому не хотел уступить право первенства. Потому-то он и упорствовал, не желая признавать правоту Муллы Хусейна.

Мулла Хусейн приказал своим спутникам бросить все вещи на дороге, оставив при себе только оружие:

– Жители Барфуруша увидят, что мы не дорожим своим имуществом, а, следовательно, не желаем и чужого. Нас не интересуют земные блага, наша единственная цель – идти по тропе Божией.

В нескольких километрах от городских ворот на Муллу Хусейна и его спутников напали. Одна пуля угодила в грудь Сейиду Риде, ближайшему помощнику Муллы Хусейна. Увидев, что его верный друг упал, сраженный пулей, Мулла Хусейн устремил взор к небесам и взмолился:

– О, Господи, мой Боже! Ты видишь, какие превратности и беды выпали на нашу долю. Ты видишь, чем встретили нас эти люди. У нас было лишь одно намерение – указать им путь Истины. Ты учил нас защищаться от врага. Позволь же нам обнажить свои мечи и вступить в сражение.

С этими словами он выхватил меч и устремился в самую гущу противников. Надо сказать, что Мулла Хусейн был невысок ростом и не обладал большой физической силой. И когда ему приходилось долго писать, рука его начинала дрожать от усталости. Но в этот день он явил такую силу, которая могла быть только от Бога. Его меч разил врагов без усталости. Увидев в толпе солдата, застрелившего его друга, Мулла Хусейн ринулся вслед за ним. Спрятавшись за деревом, солдат стал стрелять в своего преследователя. Но выстрелы его не достигали цели. Взмахнув мечом, Мулла Хусейн, исполнившись невероятной силы, одним ударом разрубил и дерево, и спрятавшегося за ним человека, и его ружье. В это трудно поверить, но именно так оно и было.

Среди жителей Барфуруша началась паника. Побросав оружие, они обратились в бегство. В суматохе бабиды потеряли из вида Муллу Хусейна. А он тем временем поскакал в город прямо к дому Саида уль-Уламы.

– Выходи же из дома, трус! – крикнул он. – Ты послал людей на битву, а сам подло спрятался в доме. Разве ты не знаешь, что тот, кто призывает к войне за Веру, сам должен быть впереди всех, показывая пример храбрости и силы. Эй, выходи!

Но Саид уль-Улама не показал и носа, он предпочел отсидеться дома.

Вечером Мулла Хусейн обратился к жителям города:

– О приверженцы пророка Мухаммада! Почему вы поднялись против нас? Почему вы хотели пролить нашу кровь? Разве Мухаммад не призывал проявлять милость к верным и неверным? И такой ли доброты, с какой вы встретили нас, Он учил? За что вы хотели нас убить? Подумайте лучше: я, вооруженный только мечом, смог противостоять тысяче пуль и ударов и уцелел. Остался лишь легкий шрам на лице, но и он исчезнет. Задумайтесь, что все это значит? Это значит, что Бог защищал меня, потому что наша Вера – от Самого Бога.

Жители стояли молча, никто не возражал Мулле Хусейну. Тем не менее они не вняли его словам и отказали бабидам в хлебе и воде. Бабиды расположились в одном из дворов, и Мулла Хусейн велел закрыть ворота, опасаясь нападения горожан.

Пришел час вечерней молитвы. Обычно в исламских странах на молитву сзывает муэдзин с высокого минарета. Мулла Хусейн попросил кого-нибудь забраться на крышу и запеть вечернюю молитву. Все знали, что появление на крыше могло стоить жизни, но несколько человек, тем не менее, вызвались это сделать. Едва лишь первый начал молитву, как тут же был сражен пулей. Следом за ним молитву подхватил другой бабид, но и его постигла та же печальная участь. Когда и третий погиб от выстрела, Мулла Хусейн открыл ворота и призвал товарищей выступить против врагов. Через несколько минут почти все противники были перебиты. Те же, кто уцелел, спасались бегством.

А что же стало с Саидом уль-Уламой? Спустя некоторое время его поразила странная болезнь. Его постоянно сотрясал озноб, хотя в очаге жарко пылал огонь, а сам хозяин с головы до ног был укутан в меха. Жар иссушал его, и он никак не мог утолить жажду. Вскоре он умер, а его прекрасный дом пришел в запустение и начал постепенно разрушаться. В конце концов от него осталась лишь груда обломков.

Так Бог покарал злого и коварного Саида уль-Уламу. Его история хорошо известна многим. Сегодня, когда люди ссорятся, они говорят друг другу: «Пусть с твоим домом случится то, что случилось с домом Саида уль-Уламы!»

На рассвете следующего дня бабиды покидали Барфуруш. Видя, что некоторые из них прихватили утварь из домов, Мулла Хусейн приказал им оставить чужое:

– Нужно, чтобы к концу нашего пути мы пришли, имея только лошадей и мечи.

Вскоре они добрались до гробницы, небольшого сооружения, в котором покоились мощи святого шейха Табарси.

10

За день до прибытия бабидов служитель гробницы видел удивительный сон. Ему снилось, что к гробнице прибыл имам Хусейн, один из потомков Мухаммада. Его сопровождали множество друзей и семьдесят два солдата. Они расположились возле гробницы. Вскоре началось сражение, и они одолели всех врагов. Снилось ему, что сам Божий Пророк пришел и благословил всех, находившихся там. Позднее вы убедитесь, что этот сон сбылся.

Прибывшего Муллу Хусейна служитель принял за имама Хусейна. Склонившись к его стопам, он с благоговением поцеловал их. Этот человек припнулся к бабидам и впоследствии погиб в одном из сражений.

Чтобы защититься от врагов, Мулла Хусейн решил построить вокруг гробницы укрепления. Немедленно начали строительство, но в тот же вечер неприятель предпринял атаку. С криком «С нами Бог!» бабиды устремились на врага и погнали всадников прочь. В течение нескольких дней на них трижды нападали, но каждый раз они отражали нападения и вновь принимались за строительство форта. Когда форт был построен, Мулла Хусейн получил известие о том, что Бахаулла остановился в соседней деревне и собирается посетить бабидов у гробницы шейха Табарси. Можете себе представить, как счастлив был Мулла Хусейн, услышав о прибытии Бахауллы! Помните сон служителя гробницы о том, что Божий Пророк пришел с благословением к гробнице шейха Табарси? Божий промысл должен был свершиться вопреки всему.

Наконец, наступил счастливый миг – Мулла Хусейн заключил в объятия прибывшего в форт Бахауллу. Бабиды удивились: кто такой Бахаулла и почему к Нему относятся с таким почтением? Они слушали Бахауллу с большим вниманием и были очарованы Его блистательной речью, но никто так и не догадался, что именно Он и есть Божий Пророк.

Бахаулла осмотрел форт и остался очень доволен.

– Здесь не хватает только Куддуса, – произнес Бахаулла и велел Мулле Хусейну отправить несколько человек в Сари, чтобы освободить Куддуса. Перед отъездом из форта Он, прощаясь, говорил всем о том, что нужно смиряться перед Волей Всевышнего и, что бы не случилось, проявлять терпение.

– Если будет на то Воля Божия, – добавил он, – Я вновь посету вас и помогу вам. Вы Божии избранники, вам выпала честь возвещать о Его Вере и укреплять ее. И чтобы ни произошло, победа будет за вами.

С этими словами Он покинул форт шейха Табарси и отправился обратно в Тегеран.

11

Отправив небольшой отряд на выручку Куддусу, Мулла Хусейн собрал остальных и сказал:

– Баб и Бахаулла желают, чтобы Куддус был с нами. Куддус – любимый ученик Баба, поэтому вам всем должно почитать его, как Самого Баба. Я считаю себя лишь скромным слугой Куддуса и буду выполнять все, что бы он ни попросил. И вам следует повиноваться его воле. Даже если Куддус велит убить меня, вы должны не колеблясь выполнить его приказ. Откажитесь от собственных желаний и выполняйте его просьбы и распоряжения. И если вы станете поступать так, я смогу гордиться вами.

Узнав от гонца, что Куддус приближается к форту, Мулла Хусейн выслал около сотни человек для его встречи. Со свечами в руках они вошли в близлежащий лес, где и встретили Куддуса. Освещая путь зажженными свечами, бабиды громко пели гимн: «Славься, славься, Господи наш Боже, Владыка ангелов небесных и Святого Духа».

Мулла Хусейн, как и обещал, стал верным слугой Куддуса. Без лишних вопросов он выполнял любое его распоряжение. Каждую ночь он бдительно охранял сон Куддуса и молился за него. Многим бабидам были не понятны эти молитвы, но Мулла Хусейн просил их не обращать внимание на значение слов, потому что смысл тех слов и их сокровенная тайна раскроются с наступлением 80-го года*. Он имел в виду год Провозглашения Бахауллы. Сила духа и мудрость Муллы Хусейна смогли развеять все сомнения бабидов.

А причин для страха и сомнений было много. Сайдуль-Улама намеревался перебить всех бабидов, находившихся в форте. Но помня о том, как отважны и сильны бабиды, лишь немногие жители откликнулись теперь на его призыв. Однако шах послал солдат для поддержки Сайдуль-Уламы.

Командующий армией князь Михди Кули Мирза направил посольного, чтобы узнать, для чего Мулла Хусейн выстроил там форт.

– Мы и не помышляли о борьбе с правительством, – ответил Мулла Хусейн княжескому посланнику. – Наше дело – Вера, а нападают на нас люди, которых подстрекают муллы. Мы можем любому доказать, что Обетованный не кто иной, как Явитель Божий. Зовите сюда священников из Сари, из Барфуруша, и мы докажем это, ссылаясь на Коран. Князь тогда сам сможет решить, праведно ли наше дело.

Бахаулла учил, что нельзя решать религиозные споры с позиции силы. Бахаи не применяют оружия, если только их не призовет на службу правительство. Но во времена Баба разрешалось носить оружие для самозащиты.

Однако вместо того, чтобы собрать слугителей Ислама, князь напал на форт. Куддус и Мулла Хусейн повели своих товарищей в бой. Прорвавшись сквозь вражеские ряды, они устремились к неприятельскому лагерю. Увидев несущихся всадников, князь в испуге бежал, выпрыгнув из окна, даже не успев надеть башмаки. В лагере бабиды нашли ящики с золотом и серебром, но не тронули их. Они забрали только бочонок с порохом и меч самого князя, который и передали Мулле Хусейну.

Пока бабиды перестраивались на поле сражения, Мулла Хусейн зорко наблюдал за врагом, ожидая новой атаки. И тут случилось несчастье: вражеская пуля попала в Куддуса. Увидев кровь на лице Куддуса, Мулла Хусейн в отчаянии был готов покончить с собой, но Куддус жестом остановил его. Тогда он схватил меч Куддуса одной рукой, а меч князя – другой, и устремился на врага, размахивая двумя мечами. За ним ринулось около сотни человек. Мулла Хусейн был так искусен и смел в этом бою, что прошло не более получаса, как княжеская армия бросилась наутек.

Известие о поражении князя удивило шаха, и он послал на подмогу еще один отряд. Враги решили оставить форт без питьевой воды. Тогда Мулла Хусейн приказал вырыть колодец прямо на территории форта. Когда работа близилась к

концу, он обратился к друзьям: «Скоро у нас будет достаточно воды для питья. Но мы должны быть готовы испить из чаши мученичества. Все, кто пожелает присоединиться ко мне, должны знать, что нас ждет новое нападение врагов, а затем возвращение навсегда к Возлюбленному».

Днем Мулла Хусейн облачился в новые одежды и надел зеленый тюрбан, подаренный Бабом. Он провел этот день в кругу своих друзей, вселяя в них надежду и рассеивая сомнения. Он долго беседовал и с Куддусом, поведав обо всем, что было у него на душе.

Завидев утреннюю звезду, Мулла Хусейн вскочил на коня и дал приказ открыть ворота форта. За ним навстречу врагам поскакали триста тринадцать всадников. Лес вновь огласился криками «С нами Бог!»

Командующим одного из отрядов был Аббас Кули-хан. Увидев, как неустрашимы бабиды, он испугался и позорно бежал с поля боя. Спрятавшись на дереве, он ждал удобного случая, чтобы убить кого-нибудь из бабидов. А больше всего ему хотелось свести счеты с Муллой Хусейном. Огонь от разрыва снарядов и пороховых выстрелов освещал сражавшихся, так что Аббасу Кули-хану с дерева все было хорошо видно, а сам он оставался незамеченным. Вдруг конь Муллы Хусейна запутался в веревке походного шатра и остановился. Аббас Кули-хан прицелился и выстрелил. Выстрел негодяя был удачен – пуля попала прямо в грудь всаднику. Мулла Хусейн с трудом спустился с коня и, истекая кровью, сделал несколько шагов, а потом упал на землю без чувств. Друзья принесли раненого Муллу Хусейна в форт, и Куддус попросил оставить их наедине. Все стояли за дверью, а один любопытный прикинул глазом к щели в дверях. Он увидел, что Мулла Хусейн приподнялся и сел, когда Куддус его окликнул. В своей излюбленной позе – на коленях, со склоненной головой – слушал он, что говорил Куддус. Стоявшие за дверью были удивлены, что смертельно раненный Мулла Хусейн отвечает на вопросы Куддуса. До них долетали только обрывки фраз. Куддус говорил другу, что тот слишком торопится покинуть сей мир и что вскоре им предстоит вместе вкушать сладость небесного блаженства. Мулла Хусейн же просил Куддуса позволить отдать свою жизнь за любимого друга. Их прощальная беседа продолжалась два часа. Наконец Куддус вышел к бабидам и сказал:

– Я попрощался с Муллой Хусейном и сказал ему многое, чего не мог сказать раньше.

Когда все вошли, Мулла Хусейн был мертв, и на лице его застыла легкая светлая улыбка. Казалось, что он мирно спит после тяжелого сражения.

Куддус взял на себя заботу о погребении Муллы Хусейна. Он велел похоронить его на южной стороне форта, рядом с гробницей шейха Табарси. Прощаясь, он произнес такие слова: «Мир праху твоему! Ты до своего последнего часа оставался верен заветам Божиим. Я молюсь, чтобы Бог не разлучил меня с тобой».

Он поцеловал мертвого друга в лоб и глаза и сам опустил тело в могилу. Многие не скрывали слез, скорбя о своем друге и учителе.

Куддус велел держать место захоронения в тайне. Потом приказал, чтобы тридцать шесть человек, погибших в тот же день, были похоронены в одной могиле с северной стороны гробницы. Над могилой он сказал: «Пусть их подвиг будет примером для всех, возлюбивших Бога. Пусть и в смерти они останутся вместе, как были при жизни».

Эпилог

Сто шестнадцать дней прошло со дня первой атаки до гибели Муллы Хусейна. Во многих сражениях явил он силу и отвагу, данную ему Богом. Он принял смерть в возрасте тридцати шести лет.

Когда ему было восемнадцать, он впервые встретил Сейида Казима. Девять лет учился у него, а потом девять лет учил других. Он рассказывал людям о новой Вере и защищал ее от врагов.

На смерть Муллы Хусейна Баб написал несколько посланий и молитв, в которых прославлял его. Вместе они составили текст, который был в три раза длиннее Корана. В одном из наставлений Баб сказал, что даже пыль с могилы Муллы Хусейна может укрепить павших духом и исцелить больных. И Бахаулла отдал дань уважения Мулле Хусейну в своей книге «Китаб-и-Иган». Он писал: «Благодаря таким людям, как Мулла Хусейн, Бог взошел на верховный трон своего милосердия и на престол Вечной Славы».

Память о Мулле Хусейне живет сегодня и будет жить еще долгие годы. Его жизнь и смерть за Веру послужат вдохновляющим примером для тех, кто идет тропой, ведущей к Богу.

Куддус (Қуддӯс)

1

Эта история о Мохаммаде Али, любимом ученике Баба, которому позже дали имя Куддус, что означает «праведный». Куддус родился в иранском городе Барфуруше, провинции Мазендаран. Он считался прямым потомком Пророка Мухаммада по материнской линии.

Куддус рано осиротел. Первой покинула этот мир его мать, а спустя несколько лет скончался и отец. Вырастила мальчика мачеха, которая была нежно привязана к нему и любила, как родного сына.

Когда Куддусу было восемнадцать лет, он впервые услышал о новом учении Сейида Казима, предсказавшего приход Баба. И Куддус отправился в иракский город Кербелу, чтобы учиться у Сейида Казима. Очень скоро Куддус стал его любимым учеником. Но он по-прежнему был скромн, немногословен и старался на занятиях не выделяться среди других учеников.

От Сейида Казима ученики часто слышали, что один из них, несмотря на свою скромность и неприметность, гораздо ближе к Богу, чем сам учитель. Но никто не знал, о ком говорил Сейид Казим, а меньше всего они думали на Куддуса.

На поиски Обетованного Куддус отправился в одиночку. Однажды, под вечер, после долгих странствий, он пришел в город Шираз. Куддус едва держался на ногах от усталости. Вдруг он заметил идущего по улице Муллу Хусейна, которого до этого встречал на занятиях Сейида Казима. Он бросился к Мулле Хусейну и, заключив его в объятия, спросил, нашел ли тот Обетованного.

«Ты устал с дороги и голоден, твоё платье в дорожной пыли. Отдохни и наберись сил, а потом уж поговорим», – уговаривал его Мулла Хусейн. Но Куддус не унимался и продолжал расспросы. И в эту минуту его внимание привлек проходящий неподалеку молодой человек. «Никто на свете не помешает мне узнать правду о Нем. Так почему же ты пытаешься скрыть Его от меня?» – спросил

Куддус. – Ведь я могу узнать Его даже по походке. Я вижу в этом святом человеке такую духовную силу и власть, которыми не наделен никто другой». Подивившись этим словам, Мулла Хусейн оставил его и направился к молодому человеку. Он передал Бабу (а это был Он) слова Куддуса. Баб несколько не удивился, потому что мысленно уже общался с Куддусом и ждал его. Он попросил Муллу Хусейна позвать к Нему Куддуса.

Так Куддус, признавший Баба, стал последней, восемнадцатой Буквой Живущего. Сам Баб и эти восемнадцать Букв были первыми последователями нового Откровения Божия.

Созвав все Буквы Живущего, Баб отправил их в разные города распространять Новую Веру. А Куддусу Он сказал, что пришла пора им вместе совершить паломничество в священные города Мекку и Медину.

2

Баб, Куддус и сопровождавший их слуга-эфиоп присоединились к паломникам, направляющимся из Шираза в Мекку. Они взошли на корабль. Им предстояло длительное путешествие по бурным морским водам. Иные из их спутников страдали тяжелой морской болезнью, другие испытывали страх перед бурной морской пучиной. Но Баб и Куддус, в отличие от прочих, держались спокойно и уверенно. Баб предавался молитвам и написанию своих сочинений. Во время путешествия Куддус выполнял обязанности секретаря. Целыми днями он занимался тем, что записывал слова Баба.

Наконец, их морское путешествие закончилось. Они высадились в городе Джидде. Баб, надев простую одежду, какую носят паломники, хотел верхом на верблюде пересечь пустыню, чтобы добраться до Мекки. И хотя Баб просил Куддуса оседлать верблюда и для себя, тот отказался. Он предпочел идти пешком, ведя верблюда Баба за повод. Так прошел Куддус весь путь до Мекки. Он с радостью исполнял все просьбы Учителя, совершенно забывая об усталости и до крови стертых ногах. Каждую ночь он боролся со сном, чтобы в случае опасности быть начеку и защитить Возлюбленного Учителя.

В Мекке Баб поручил Куддусу отнести послание шарифу, главному служителю самого почитаемого храма в Мекке. В Своем письме Баб сообщал, что Обетованный, Которого ждут все мусульмане, наконец пришел. Он убеждал шарифа принять Новую Веру и вместе с письмом отправил Свои сочинения, дабы шариф сам мог ощутить силу и достоверность Его слов.

Шариф был занят, и у него не нашлось свободной минутки, чтобы сразу прочитать письмо. Он и не догадывался, что пренебрег посланием от Самого Бога!

Из Мекки Баб и Куддус отправились в Медину, а после из Джидды на корабле вернулись в Бушир, откуда начиналось их паломничество. Путешествие заняло девять месяцев. И все это время Куддус неотлучно следовал за Бабом. Но теперь ему предстояло расстаться с Возлюбленным. Баб призвал Куддуса и сказал: «Мы почти год провели вместе. Теперь нас ждет разлука. Мы встретимся вновь лишь в Царствии Божиим, когда предстанем пред очами Самого Владыки Славы. ...Вскоре волею судьбы тебя поглотит пучина горя и несчастий. И Мне тоже предстоит погрузиться в глубины этого океана. Возрадуйся... ибо тебя изберут вождем доблестной армии, бойцы которой примут мученическую смерть во имя Бога... Тебя подвергнут жестоким истязаниям и унижениям на улицах Шираза. Но ты останешься жить... Тебе помогут силы небесные, и о твоём подвиге и славе узнают все».

Так они попросились. Баб отдал все Свои сочинения Куддусу и просил его передать их вместе с письмом Своему дяде. Жене, матери, родственникам и друзьям в Ширазе Он велел низко кланяться.

Следующий, к кому направился Куддус, был Мулла Садек, один из горячих приверженцев Баба. Однажды во время службы в мечети он добавил к молитве слова, написанные Бабом. Священнослужители страшно разгневались и доложили об этом правителю. Тот велел арестовать обоих: и Муллу Садека, и Куддуса. После допроса правитель проклял Муллу Садека и приказал наказать его, подвергнув тысяче ударов плетью. Потом слуги правителя подпалили обоим арестованным бороды, продели им через ноздри веревку и повели их по улицам, чтобы каждый правоверный мусульманин, видя это, мог выразить свое презрение к ним. И никто не вступился за мучеников. Куддус и Мулла Садек стойко перенесли все чудовищные унижения и истязания. Они вверили себя милости Божией. Когда плеть ходила по спине Муллы Садека, он только улыбался. Он твердо знал, что не совершил ничего недостойного и несправедного.

Мученикам приказали немедленно покинуть город и пригрозили, что, если они надумают вернуться, их предадут смерти.

Вы помните слова Баба: «Тебя подвергнут жестоким истязаниям и унижениям на улицах Шираза. Но ты останешься жить... и тебе помогут силы небесные, и о твоём подвиге и славе узнают все». Куддус и Мулла Садек были первыми в Иране, кто пострадал за Веру.

3

От города к городу шел Куддус, вдохновенно рассказывая людям об учении Баба. После бесед с ним многие признавали новую Веру и готовы были отдать за нее жизнь.

В Тегеране Куддуса видел и Бахаулла. Трудно сказать, как Бахаулла отнесся тогда к нему. Зато Куддусу было известно, что Баб возлагал особые надежды на Своего нового последователя.

Из Тегерана Куддус вернулся в родной город. Как была рада его мачеха, истосковавшаяся в долгой разлуке! Кроме нее у Куддуса не было родственников в Барфуруше. Хотя ему минуло двадцать два года, он еще не был женат. «Ох, сынок, – вздыхала мачеха, – боюсь, что я не доживу до твоей свадьбы». На это Куддус ответил ей: «День моей свадьбы, матушка, еще не пришел. Этот день будет самым торжественным в моей жизни. Я устрою свадьбу не в доме, а прямо под открытым небом, в центре Забзих-Майдана. Тысячи приглашенных придут на нее. Я сыграю свадьбу, когда увижу, что все мои надежды оправдались и все мои желания исполнились». Мачехе показались непонятными слова Куддуса. Три года спустя, когда Куддуса убили в Забзих-Майдане, она вспомнила о том, что сказал ей Куддус.

Около двух лет пробыл он дома. Многие жители города полюбили Куддуса за его мягкий нрав и глубокие познания.

Однажды, после встречи с Бабом в тюрьме Махку, в дом Куддуса прибыл Мулла Хусейн. Встреча со старым знакомым была для Куддуса огромной радостью. По восточному обычаю он омыл ноги дорогому гостю и посадил его на самое почетное место за столом. Он собрал в своем доме друзей, чтобы познакомить их с Муллой Хусейном.

Когда гости разошлись, Куддус стал расспрашивать гостя о Бабе. В конце долгой беседы Мулла Хусейн сказал: «Баб не дал никаких определенных указаний, что мне делать и как распространять весть о Деле Божиим. Он только сказал, что в

Мазендаране мне будет дано узреть сокровище там сокровище, и тогда я узнаю, что мне делать дальше».

Итак, теперь вы знаете, что Куддус был любимым учеником Баба, знаете, что вместе они провели целый год и Баб подготовил Куддуса к тому, чтобы тот продолжил служить Его делу, пока Сам Он находился в тюрьме. Когда Куддус был рядом с Бабом, он познал многое из того, чего остальным Буквам Живущего так и не довелось узнать. Он был наделен особой духовной властью, и благодаря ей он стоял ближе всех к Бабу. Когда Куддус услышал, что Мулла Хусейн ищет спрятанное сокровище, он протянул листок с записями изречений Баба. Прочтя их, Мулла Хусейн сразу же признал особый сан Куддуса, которым облек его Баб. Не колеблясь, Мулла Хусейн сказал: «Куддус – это то самое спрятанное сокровище, о котором говорил Баб. И я нашел это сокровище. И хотя Учитель сейчас в тюрьме, в горах Азербайджана, отражение Его славы – передо мной».

С этого момента Мулла Хусейн принял Куддуса как своего нового духовного наставника. Он выполнял все просьбы Куддуса, словно его просил Сам Баб. Так, пока Баб находился в заключении, Куддус встал во главе бабидов.

Прошел день, и наутро Куддус снова собрал друзей в своем доме. Все слышали, как он говорил Мулле Хусейну: «Сейчас ты должен отправиться в Хорасан. В городе Машхаде ты выстроишь дом. В нем мы будем жить и принимать гостей. В этот дом ты будешь приглашать каждого, в ком увидишь чистую душу. Мы подготовим людей к принятию Веры и вместе с ними привлечем и остальных к Делу Божию».

Мулла Хусейн отправился в путь. Вскоре дом в Машхаде был построен. Назвали его именем Баба. Куддус переехал в этот дом, и они вместе стали жить там, служа Делу Божию. И по сей день дом Баба стоит в Машхаде.

Мулла Хусейн часто ходил туда, где собиралось много людей: на оживленные улицы, на базарную площадь, к мечети. Он старался пробудить у людей интерес к новой Вере, а затем приглашал их послушать Куддуса. Куддус просвещал их, обращал в Веру и отправлял учить других. Так чудесные идеи распространялись по всему Машхаду. Многие горожане спешили к дому Баба, желая услышать проповедь и познать истину. Толпы людей наводняли улицы вокруг этого дома. И весть о чудесной Вере разлетелась от Машхада во все концы провинции и даже за ее пределы.

4

Новая Вера быстро распространялась по всему Ирану. Меж тем Баб из тюрьмы отправил послание Своим приверженцам, призывая их провести сбор в провинции Хорасан. На этом сборе должен был обязательно присутствовать Куддус. Куддус собрал всех последователей Баба в Машхаде и сказал: «Отныне вы должны принять Муллу Хусейна как вашего Учителя, подчиняться ему и выполнять все его приказания без лишних вопросов. Наступают тяжелые дни испытаний. Но если вы будете повиноваться Мулле Хусейну, самые большие невзгоды минуют вас».

С этими словами Куддус покинул своих друзей и отправился в Бедашт. Вскоре к нему присоединился Бахаулла, и они продолжили путь вместе.

Вы уже немного знаете о сборе в Бедаште из истории о Тахире. Цель этой встречи была такова – упразднить старые законы и возвестить о начале Новой Эры. До сих пор большинство бабидов следовало законам Ислама, данным Мухаммадом. Настало время принять новые заповеди, которым учил Баб. То были дни великих испытаний для чистых душ, всех тех, кто искренне признал Баба!

Своим предводителем бабиды считали Куддуса, ибо он был ближе всех к Бабу. Однако постепенно становилось ясно, что главным на этом сборе был Бахаулла. Каждое утро Он передавал бабидам новое написанное Им наставление, которое они читали нараспев. Всем присутствующим Бахаулла дал новые имена, с которыми им надлежало вступить в новую жизнь. Так Куррат уль-Айн стала Тахирой, Мохаммад-Али – Куддусом.

Однажды Бахаулла заболел и не выходил из дома. Прослышав об этом, Куддус поспешил к Нему. Следом за Куддусом собрались и все остальные. Как только они пришли, Куддусу передали письмо от Тахиры. В нем она просила Куддуса навестить ее. Он рассердился: женщина осмелилась обращаться к мужчине с подобной просьбой! Да как смеет она просить его о чем-то! «Я отказываюсь идти», – таков был его ответ посыльному. Посыльный вернулся к Тахире, но та снова направила его к Куддусу: «Тахира настаивает, чтобы ты пришел к ней, иначе она сама придет сюда»

В те времена на Востоке женщинам не разрешалось находиться среди мужчин. Лицо женщины мог видеть только ее муж, от всех прочих она скрывала его под чадрой. Тахира пользовалась репутацией добропорядочной персиянки, ее считали воплощением самой Фатимы, дочери Мухаммада. Поэтому Куддус не поверил, что Тахира поступит так, как написала в письме, и нарушит тем самым устоявшиеся тысячелетние законы. Он сказал посыльному Тахиры: «Последний раз говорю тебе – я не пойду к Тахире». «Или ты сейчас пойдешь со мной, или – руби мне голову», – с этими словами посыльный положил свой меч к ногам Куддуса.

Куддус схватил меч: «Ну что ж, если тебе так мешает твоя голова, я отрублю ее, но Тахира не дожидается, чтобы моя нога ступила на порог ее дома». Он размахнулся, но в эту самую минуту перед ним предстала сама Тахира. Какое это было потрясение для всех собравшихся! Она не только появилась среди мужчин, она еще и открыла свое лицо! Никто не видел раньше ничего подобного. Смолкли все разговоры, собравшиеся не могли поверить собственным глазам. Один из бабидов был поражен в самое сердце. Он счел поступок Тахиры неслыханной дерзостью, а для себя посчитал позором видеть открытое лицо женщины. Этот позор он мог смыть только кровью. Выхватив свой кинжал, он перерезал себе горло. Хлынувшая кровь залила его лицо и одежду. Так, истекая кровью и теряя последние силы, он бежал с этой встречи. Несколько бабидов также покинули собрание, заявив о том, что они отрекаются от Веры.

Тахира шагнула вперед и села по правую руку от Куддуса. Обратившись к бабидам, она назвала себя тем трубным гласом, который возвещает наступление Новой Эры! Куддуса же она упрекнула: «Ты не отнесся с должным вниманием к новому учению». Разгневанный Куддус ответил: «Я считаю, что поступаю правильно, я не должен потакать желаниям моих друзей и учеников».

Так начался их спор. Каждый старался убедить своих сторонников в том, что другой заблуждается. Кто-то соглашался с Тахирой, кто-то полностью принимал доводы Куддуса, и лишь немногие считали, что они оба правы и это лишь испытание их преданности Вере, посланное Богом.

Но вскоре выздоровел Бахаулла, и их спорам был положен конец. Куддус признал правоту Тахиры. Они снова стали близкими друзьями, а своих последователей призвали вновь принять учение Баба.

Бабиды так и не узнали, что этот спор был замыслен Бахауллой, Куддусом и Тахирой заранее. Бахаулла сказал им, что делать и как себя вести. Куддус должен был во всем противоречить Тахире. Бахаулла решил таким способом донести новое учение до умов и сердец верующих, потому что Баб повелел: каждый должен сам для себя решить, следовать ли ему старым путем Ислама или избрать указанный Им новый путь.

Тахира и Куддус предоставили все доводы за и против нового Учения так, чтобы у каждого была возможность подумать и принять окончательное решение. Со стороны казалось, что Тахира и Куддус ссорятся друг с другом, но на самом деле они лишь выполняли указания Бахауллы.

5

Когда закончился сбор, бабиды разъехались, чтобы распространять по разным городам учение Баба. Бахауллы, Тахира и Куддус отправились в путь вместе.

На отдых они расположились у подножия гор близ деревни Нейала. Некоторые жители стали бросать в них камни с вершины горы. Бахауллы, опасаясь за жизнь Куддуса, поменялся с ним одеждой и отослал его от Себя.

Куддус избежал смерти в Нейале. Но по дороге домой его задержали. Он был отправлен под конвоем в Сари, в дом своего родственника. Девяносто пять дней продолжался этот домашний арест. Ему разрешалось делать все, кроме главного – он не мог выходить из дома и рассказывать людям о Вере.

И для остальных бабидов в Иране наступили тяжелые времена. Все больше и больше иранцев считали приход Баба пришествием Иисуса или Мухаммада. Все больше и больше иранцев узнавали о том, что Баб упразднил старые законы, о чем было объявлено на сборе в Бедаште. Поэтому все больше и больше священнослужителей Ислама ненавидели бабидов и желали как можно скорее положить конец распространению новой религии.

Бабидам стало небезопасно выходить из дому. Подстерегавшие на улицах мусульмане убивали их или тащили в тюрьму. Случалось, они нападали на дома бабидов, когда там не было мужчин, и расправлялись с женщинами и детьми.

Баб отправил письмо Мулле Хусейну, в котором просил помочь Куддусу вырваться из заточения. Мулла Хусейн собрал людей и отправился в Сари. Несколько раз на своем пути они подвергались нападениям, поэтому Мулла Хусейн решил остановиться у гробницы шейха Табарси и построить форт, в котором можно было бы укрыться от фанатиков-мусульман.

Как только форт у гробницы шейха Табарси был выстроен, туда приехал Бахауллы. Он осмотрел крепость, одобрил идею Муллы Хусейна и посоветовал, как сделать форт более пригодным для проживания в нем людей. «Если бы здесь был Куддус, – сказал Бахауллы, – все было бы тогда в полном порядке. Освободить же Куддуса очень просто: пусть Мулла Куди и с ним еще шестеро отправятся в Сари. Все, что им нужно будет сделать, – приказать родственнику Куддуса вывести к ним заключенного. Страх перед Богом и боязнь кары Божией заставят его отпустить пленника».

Так и поступили. Родственник без возражений вывел Куддуса из дома. Такова была воля Божия!

6

Тем временем Мулла Хусейн созвал своих друзей у стен форта и сказал, что Баб и Бахауллы желают, чтобы Куддус был здесь, вместе с ними. Куддуса бабидам следует почитать так же, как Самого Баба. «Себя же я считаю скромным слугой Куддуса, – сказал Мулла Ху-сейн. – Вы должны повиноваться Куддусу и беспрекословно выполнять все его указания. Даже если он прикажет убить меня, вы должны будете немедленно это исполнить. Усомнившись в правильности его повелений, вы докажете неискренность вашей веры. Вам не следует приходить к

нему, пока он сам не позовет вас. Откажитесь от своих желаний и исполняйте только его пожелания и указы. Поступайте так, чтобы я мог гордиться вами».

Потом Мулла Хусейн отобрал около сотни человек для встречи Куддуса. Каждый нес в руках две зажженные свечи. Какая это была радость – встретить Куддуса, который вновь обрел свободу! Держа свечи, бабиды последовали за своим предводителем к форту, распевая гимн: «Славься, славься, Господи наш Боже, Владыка ангелов небесных и Духа Святого».

Спешившись с коня, Куддус спросил, сколько всего человек находится в форте. По мусульманскому учению, пророчество о Новом Дне исполнится лишь тогда, когда вместе соберется триста тринадцать человек. Мулла Хусейн сосчитал всех проходивших через ворота форта бабидов: их было триста двенадцать. Когда он подошел к Куддусу, чтобы сообщить ему об этом, в ворота вбежал какой-то юноша. Оказывается, он следовал за ними от Барфуруша, желая присоединиться к ним. Тогда Куддус сказал: «Все, что произнес глас Пророка Божия об Обетованном, исполнилось». Это было свидетельство того, что Новый День наступил и весь народ примет Веру.

Среди бабидов в форте находились и люди мирных занятий. Среди них студенты и учителя. До той поры они никогда не держали в руках боевого оружия. Это были умные, знающие люди, глубоко изучившие Коран. Они укрепляли силу своего духа, а не мышц. Куддус был тем, кто возродил их к новой жизни. Он стал их духовным наставником.

Куддус передал Мулле Хусейну свои записи, попросив, чтобы тот прочел их всем. Это были сочинения о Бабе, Бахаулле и Тахире. Кроме того, Куддус написал пояснения к Корану.

Каждый день Куддус просил друзей почитать ему вслух сочинения Баба. Обычно он сидел у стены форта, а вокруг него располагались бабиды. Куддус жадно внимал каждому слову, написанному Возлюбленным Учителем.

Слушая строки сочинений Баба, он забывал обо всем на свете. Даже во время обстрела форта врагами, когда разрывались снаряды и гремели пушки, он оставался спокоен и невозмутим. Он молился: «Я горжусь, что был первым, кто пострадал во имя Твое в Ширазе. Я готов принять страдания на той тропе, которая ведет меня к Тебе». Когда его соратники увидели, как он отважен, и убедились в его мудрости, они укрепились в Вере и обрели мужество. Они полюбили Куддуса, отдав ему свои сердца.

7

День за днем враги атаковали форт. И каждый раз бабиды бросались на неприятеля с криками «С нами Бог!» Хотя число их было невелико и никто из них раньше не занимался военным делом, хотя они были истощены голодом, – они всякий раз отражали атаку. Куддус и Мулла Хусейн всегда были впереди, вдохновляя бабидов своим мужеством.

Однажды враги перекрыли доступ воды в лагерь бабидов. Каждый, кто попытался выйти за водой, был убит. Куддус приказал никому не покидать форт. Тогда один из бабидов сказал: «Сначала враги оставили нас без хлеба, а теперь лишили и воды. Что же будет с нами?» Куддус ответил: «Да свершится воля Божия! Сегодня ночью хлынет проливной дождь, а следом выпадет много снега. Это и поможет нам в очередной раз выстоять».

И действительно: той ночью дождь лил как из ведра. Вся воинская амуниция осаждавших пришла в негодность, порох намок. У бабидов же теперь был большой

запас воды. На следующую ночь начался снегопад, что затруднило приближение врагов к лагерю бабидов.

«Благодарю Бога, Который услышал наши молитвы – низверг дождь и снег на головы неприятеля, а нам дал передышку!» – воскликнул Куддус.

Но атаки врагов через несколько дней возобновились, и тогда Куддус велел выкопать вокруг форта огромный ров. Вскоре к неприятелю подошло подкрепление. Войско возглавлял князь Михди Кули Мирза. Он раскинул лагерь на холме. Оттуда форт бабидов хорошо просматривался, был как на ладони. Едва забрезжил рассвет, князь приказал открыть огонь по форту. «Седлайте коней, Божии защитники», – обратился к бабидам Куддус. Ворота форта распахнулись, двести два всадника устремились на врага. Они легко прорвались сквозь неприятельские ряды и поскакали прямо к лагерю князя. Увидев приближающихся бабидов, князь позорно бежал из своего укрытия, даже не успев надеть сапоги.

В лагере князя бабиды обнаружили ящики с золотом и серебром, много драгоценных вещей. Но они даже не притронулись к ним. Бабиды взяли с собой только бочку с порохом и княжеский меч. После сражения они собрались вокруг Куддуса. Но тут шальная вражеская пуля угодила Куддусу прямо в голову, поразив горло и язык. Кровь хлынула изо рта, Куддус потерял способность говорить.

Охваченные глубокой скорбью, несли бабиды раненого Куддуса в форт. Когда Куддус увидел, сколь велика их печаль, он написал на листке бумаги: «Мы должны смириться с волей Божией. В час испытаний надо оставаться стойким и непоколебимым. Тело мое страдает, но душа счастлива. Если любите меня, не печальтесь. Ваша печаль повергнет в грусть и меня». Так Куддус учил бабидов, что быть счастливым – значит верно служить Богу. Помнить об этом надо всегда, даже когда испытываешь мучительную боль от ран.

Куддус выздоровел, но больше не мог участвовать в военных действиях. Теперь Мулле Хусейну предстояло вести людей за собой. Впереди было очередное сражение. Мулла Хусейн предчувствовал, что это его последний бой. И действительно, в той битве он был смертельно ранен в грудь. Бабиды отнесли его в форт. Куддус пришел туда, где лежал Мулла Хусейн, и велел всем выйти: «Оставьте нас вдвоем. Я хочу сообщить ему нечто важное, о чем должен знать только он один». Все вышли и закрыли дверь. Но один любопытный прикинул глазом к дверной щелке. Он видел и слышал следующее. Куддус позвал Муллу Хусейна, назвав его по имени. Тот открыл глаза, приподнялся и сел перед Куддусом по-восточному. Склонив голову, он ловил каждое его слово. А Куддус говорил: «Ты торопишься покинуть этот мир и оставляешь меня лицом к лицу с врагом. Если будет на то воля Божия, я вскоре присоединюсь к тебе и тоже вкушу сладость обитания на небесах».

Два часа Куддус и Мулла Хусейн вели беседу, но о чем они говорили, никто не знает. Наконец, Куддус распахнул дверь и сказал ожидавшим его бабидам: «Я попрощался с Муллой Хусейном. Я сказал ему то, о чем не мог сказать раньше. Все вошло в комнату. Мулла Хусейн был мертв. На его спокойном лице застыла легкая светлая улыбка. Казалось, что он спит и улыбается во сне.

Куддус сам омыл и облачил Муллу Хусейна в свою рубашку. Он распорядился, чтобы его похоронили на южной стороне форта, рядом с гробницей шейха Табарси.

«Ты до своего последнего часа оставался верен Завету Божию. Я молю Бога, чтобы Он не разлучил нас с тобой», – такие слова произнес Куддус над телом Муллы Хусейна. Поцеловав усопшего в глаза и лоб, Куддус опустил его в могилу. Место захоронения он велел держать в секрете. В том же сражении погибло еще тридцать шесть человек, которых Куддус приказал похоронить вместе, в одной могиле, на северной стороне форта. Потом он произнес над погибшими

прощальную речь: «Их подвиг будет примером для всех, кто любит Бога. Пусть и в смерти они останутся вместе, как были вместе при жизни».

Место Муллы Хусейна занял Мирза Мохаммад Бакир. Теперь он должен был вести бабидов в бой.

Но и враги в ту ночь не досчитались многих своих воинов. Сорок пять дней понадобилось им, чтобы подготовить новое наступление. Все это время бабиды не имели возможности выходить из форта. Их запасы давно кончились, и в лагере начался голод. Куддус приказал разделить поровну остатки риса. Когда каждый получил свою скудную долю, Куддус сказал: «Те из вас, кто чувствует в себе силы, чтобы устоять перед надвигающимися трудностями, может остаться с нами. Если же кто-то испытывает пусть даже малейший страх, ему лучше сейчас же оставить нас. Скоро враги вновь начнут наступление, и тогда никому не удастся избежать тяжелых испытаний».

Той же ночью нашелся предатель, который, перебежав к врагам, сообщил им, что Мулла Хусейн убит, а ряды бабидов заметно поредели. Он убеждал начать атаку теперь, когда защитники форта истощены от голода и ран. Офицер вражеской армии Аббас Кули-хан обрадовался, узнав о гибели Муллы Хусейна. Он был уверен, что теперь без особых усилий сумеет захватить форт, а за отлично проведенную военную операцию получит повышение по службе. В день атаки он направил к форту два отряда. Увидав приближающегося врага, Куддус велел Мирзе Мохаммаду Бакиру собрать восемнадцать всадников, которые выедут навстречу атакующим. «Покажи этому Аббасу Кули-хану, что хотя Муллы Хусейна нет с нами, властью Божией его друзьям еще дана сила, чтобы одолеть врага».

Мирза Мохаммад Бакир быстро отобрал восемнадцать человек. С криками: «С нами Бог!» они понеслись навстречу неприятелю. Наступавшие обратились в бегство, пытаясь спасти жизнь. Они мчались до Барфуруша не останавливаясь. Ужас охватил Аббаса Кули-хана. От страха он упал с лошади, запутавшись ногой в стремени. Чтобы лошадь не потащила его по земле, ему пришлось вытащить ногу из сапога – сапог остался в стремени. Так, в одном сапоге, Аббас Кули-хан бежал, а за ним, обгоняя своего военачальника, и его доблестная армия. Вот как случилось, что благодаря Божией помощи и поддержке девятнадцать человек одержали верх над целой армией. Эта победа была для бабидов еще одним свидетельством могущества Бога и укрепила их единство, которое пошатнулось было после смерти Муллы Хусейна.

На поле брани они подобрали убитых лошадей, которые стали им пищей. Но этого хватило ненадолго. Вскоре снова наступил голод.

«Мое сердце обливается кровью, когда я вижу вокруг себя голодных братьев», – говорил Куддус. Сам же он, казалось, не испытывал чувства голода: он продолжал работать, сочиняя свои пояснения к Корану. Он ободрял товарищей, помогая им сохранять мужество и терпение.

Один из свидетелей тех страшных событий рассказывал: «Видит Бог, несмотря на то, что все были голодны, никто не думал о хлебе насущном. Мы были так увлечены словами Куддуса, что не чувствовали ни усталости, ни боли от полученных ран. Нам казалось, что так мы могли бы прожить не один год. Ничто на свете не могло умалить наше счастье. Когда мы теряли силы от голода, Мирза Мохаммад Бакир спешил к Куддусу. Куддус для каждого находил ободряющие слова – и души наши вновь наполнялись великой радостью. Нам достаточно было увидеть лицо Куддуса – и мы уже чувствовали прилив новых сил. Если бы в эту самую минуту враги атаковали нас, мы непременно вновь одержали бы очередную победу».

В день Новруза Куддус обратился к своим друзьям с посланием. В этом послании говорилось, что близится время, когда многие из них примут мученическую смерть за Дело Божие. На девятый день после Новруза четыре отряда начали пушечный обстрел маленького форта шейха Табарси. Когда раздались звуки взрывов, Куддус прошел в самый центр форта. Он улыбался и, казалось, был спокоен, как никогда. Вдруг прямо перед ним упало и завертелось пушечное ядро. Он равнодушно откатил его ногой и сказал: «Как же мало смыслят враги в учении Божиим! Они забыли, что все свершится согласно воле Божией. Они мечтают победить защитников Дела Божия – людей, которым не нужны ни власть, ни почести, ни земные награды!»

Потом Куддус обратился к своим друзьям с удивительными словами: «Не бойтесь ничего. Это о вас Мухаммад в Коране сказал: “О, как я страстно желаю увидеть лица моих собратьев, собратьев, которые явятся, когда наступит конец мира. Будем же мы благословенны, и снискают же они еще большее благословение, чем мы”. Не надо бояться, иначе недостойны вы уважения Мухаммада. Каждому отмерен свой срок. И когда время придет, ничто и никто не в силах будет изменить ход событий. И кто бы ни пытался продлить или укоротить вашу жизнь, изменить то, чему суждено быть, он ничего не добьется. Лишь один Бог знает, когда человеку назначен смертный час. Если вы хоть на мгновенье убоитесь грохота пушек, что обстреливают форт, вы лишитесь защиты Божией».

Люди были сильно измучены жаждой и голодом. Но эта речь вдохнула в них новые силы. Теперь они были готовы к отражению новой атаки. Несколько дней подряд снаряды разрывались прямо на территории форта, а бабиды распевали стихи из Корана. Их пение доносилось до слуха врагов. Князь был немало удивлен тем, что бабиды вместо того, чтобы сдаться, поют песни и читают молитвы.

В конце концов, командующий армией Джафар Кули-хан выстроил огромную башню и установил на ней пушку, которая могла обстреливать территорию самого форта. Когда Куддус увидел возведенную башню, он обратился к Мирзе Мохаммаду Бакиру: «Задай-ка этому генералу жестокий бой, такой, какой задал Аббасу Кули-хану. Пусть и этот узнает, что у Божиих воинов бесстрашные сердца львов, ведь даже усталые и голодные, они обладают недюжинной силой. Пусть знает, что чем сильнее голод, тем яростнее бьют врага».

Мирза Мохаммад Бакир вновь выехал из укрепления в сопровождении восемнадцати всадников. Они громко восклицали «С нами Бог!»; это породило панику среди врагов, и они бежали. Джафар Кули-хан и с ним еще тридцать воинов при виде бабидов побросали мечи. Бабиды начали рушить стены башни, но вскоре стемнело, и они вынуждены были вернуться в свой лагерь. Ни один из бабидов не погиб в этом сражении. Более того – они захватили и привели в форт несколько сильных откормленных лошадей, захваченных у неприятеля.

На следующий день в стане врага по чьей-то оплошности произошел взрыв, в результате которого погибло несколько офицеров и солдат. На целый месяц бабиды получили передышку от военных действий. Куддус позволил защитникам выходить из форта для сбора травы и корней, которые были единственной пищей осажденных.

Спустя месяц пушки загрохотали вновь. Войско врагов упорно осаждало форт, и на этот раз Куддус отправил Мирзу Мохаммада Бакира на бой с тридцатью шестью всадниками вместо восемнадцати. Перед боем он обратился ко всем: «С тех пор, как мы построили этот форт, мы ни разу не начинали первыми ни одного сражения. Мы лишь выходили защищаться. Если бы мы хотели силой навязать людям нашу Веру, то нам бы легко это удалось. Мы могли бы держать людей в страхе, заставляя

их принимать Веру. Но у нас есть только один путь привлечь людей к своей Вере – доблестными делами показать, что мы готовы умереть за нее. И этот час уже близок».

После его слов тридцать шесть конников с криками «С нами Бог!» атаковали вражескую армию. Враг бежал, бросив свое знамя. Вернувшись в форт, бабиды не досчитались пятерых. На северной стороне порта была приготовлена свежая могила для погибших.

9

Несколько дней было тихо. Потом князь послал письмо Куддусу. Он писал, что хотел бы прекратить войну и заключить мир. Куддус отправил двух своих соратников на переговоры с князем, который встретил их радушно, предложив им чай и угощения. Но они отказались из чувства солидарности с теми, кто голодал в форте.

Князь сказал: «Наше противостояние слишком затянулось. И вы, и мы сражались долго и упорно. Хватит проливать кровь. Давайте найдем способ уладить наши разногласия». С этими словами он взял Коран и написал на одной из страниц: «Клянусь на Священном Писании, что у меня нет иного намерения, кроме установления мира и дружеских отношений между нами. Выходите из форта и будьте уверены, что вас никто не тронет. Вы все находитесь под защитой Всевышнего, Его Пророка Мухаммада и нашего правителя – шаха Насир ад-Дина. Я обещаю вам полную безопасность. Пусть Аллах покарает меня, если я задумал иное и неискренен в своих словах». Он поставил внизу княжескую печать и велел вручить Коран Куддусу, а также передать ему наилучшие пожелания. Потом добавил: «Этим вечером я пришлю лошадей к воротам форта, чтобы Куддус и его товарищи смогли добраться до моего лагеря. Я поставлю для них шатры, и они будут гостить у меня до тех пор, пока я не смогу за мой счет отправить их домой».

Когда бабиды принесли Куддусу Коран, тот благоговейно поцеловал Священную Книгу и произнес: «О, Боже, рассуди, кто же из нас прав, ибо только Ты можешь это сделать».

Тотчас после этого он сказал своим соратникам, чтобы они готовились покинуть форт. Мы примем приглашение князя, – сказал он, – чтобы проверить его искренность».

К назначенному времени пригнали лошадей. Куддус надел зеленый тюрбан, подаренный ему Бабом, и вместе с друзьями оставил форт.

Вскоре после прибытия Куддус сказал: «Отныне, чтобы ни случилось, мы во всем должны усматривать волю Божию. Мы не можем запятнать доброе имя, которое носили донныне. Молитесь Всевышнему, чтобы Он помог нам остаться верными Ему даже перед лицом смерти».

Спустя несколько часов после захода солнца им принесли немного скудной пищи. Наутро князь прислал за Мирзой Мохаммадом Бакиром. Куддус велел ему идти к князю, а после передать ему их разговор. Мирза встретился с князем и получил от него очередное заверение в том, что никто из его людей не тронет бабидов. Каждому дадут коня, чтобы он мог добраться до города Санг-Сар. Они могут смело и безбоязненно выходить из дома и везде они будут в безопасности.

Мирза вернулся к Куддусу и сообщил ему о своем разговоре с князем: «Я думаю, что говорит он одно, а на уме у него совсем другое». Куддус согласился. Он отправился к соратникам и сказал, чтобы они не ждали лошадей от князя, а пешком отправлялись назад, в форт. Самому ему нужно было возвращаться в Барфуруш.

Бабиды умоляли Куддуса не покидать их, но он сказал: «Не печальтесь. Мы скоро снова будем вместе – это время не вычеркнуть из нашей жизни. Мы вверим наши судьбы милости Божией. Какова бы ни была Его воля, мы с радостью примем ее». И Куддус повелел им оставить лагерь князя этим же вечером.

Куддус вернулся в свой шатер. Вскоре он получил приглашение от князя, который хотел с ним встретиться. Но как только он подошел к княжескому шатру, князь, коварно нарушив свои обещания, отдал приказ схватить Куддуса. У Куддуса не было возможности предупредить друзей об измене. Князь отправил бабидам послание, в котором сообщал, что Куддус якобы желает, чтобы все они присоединились к нему в условленном месте. Некоторые поверили этим словам, но лишь только они приблизились к ставке князя, как были схвачены его слугами. По дошедшим сведениям, эти несчастные были впоследствии проданы в рабство. Только немногим удалось выжить; они-то и поведали миру, что случилось в те дни у форта шейха Табарси.

Сначала люди князя схватили Муллу Юсуфа, одного из самых преданных Куддусу людей. Пытками они вырвали у него согласие отправиться к бабидам и сказать, что Куддус приказывает им сложить оружие. «Ну, что ты скажешь бабидам? – спросил пытавший его солдат. «Я скажу им все так, как вы велели, – ответил он. – А после добавлю: “И все, что я сказал вам, – ложь!”» Едва он это произнес, как был заколот слугами князя.

После этого армия направила жерла пушек на форт. Стены форта были полностью разрушены, от них ничего не осталось. Теперь бабидам негде было укрыться от врагов. Солдаты напали на них и почти всех перебили. Бабиды умирали со словами гимна: «Славься, славься!» Несколько человек взяли в плен. Трое из них были доставлены к князю. Они были из богатых и знатных семей. Казнив их, князь навлек бы на себя большие неприятности. Поэтому их оставили в живых. Остальных ждала страшная участь. Кого разрубили на куски, кого привязали к лошадям и разорвали на части. Одних повесили и в таком положении расстреляли, другими зарядили пушки, из которых потом выстрелили. Все, кто узнал об этих зверствах, были потрясены коварством князя. Мужество же бабидов, подвергнутых столь страшным мукам, привело людей в восхищение.

10

Расправившись с бабидами, князь отправился в родной город Куддуса – Барфуруш. С радостью встретил князя глава мусульман этого города Саид уль-Улама. Все священнослужители вышли на улицы, чтобы приветствовать князя. На улицах вывесили флаги, а вечером устроили победный салют. Три дня князь никому не говорил, что он намерен сделать с Куддусом. А замысел его был таков: отправить Куддуса в Тегеран и отдать в руки шаха. Пусть шах сам решит, как поступить с Куддусом. Но у Саида уль-Уламы были другие планы на этот счет. Он люто ненавидел Муллу Хусейна и Куддуса. Но Мулла Хусейн погиб в бою, а уж с Куддусом ему хотелось свести счеты. Узнав о намерении князя, он стал ему возражать. Убедившись, что князь не уступит, он созвал людей в мечети и обратился к ним за поддержкой: пусть уговорят князя не отправлять Куддуса к шаху. Он сказал собравшимся: «Клянусь Аллахом, что не буду ни есть, ни спать, пока не расправлюсь с Куддусом своими собственными руками».

Узнав, что люди поддерживают Саида уль-Уламу и настроены против него, князь испугался. Он собрал всех мулл и приказал привести Куддуса. Когда Куддуса привели, князь обратился к Саиду уль-Уламе со словами: «Чтобы разрешить этот вопрос и выяснить, где правда, а где ложь, нужно придерживаться того, что написано в Коране, и того, что сказал Мухаммад».

Взглянув на зеленый тюрбан Куддуса, Саид уль-Улама спросил: «Почему ты носишь зеленый тюрбан? Разве ты не знаешь, что только прямые потомки Мухаммада могут носить зеленый тюрбан? Если же его наденет кто-то другой, то его покарает Аллах».

Куддус спокойно ответил: «Сейид Муртада, которого восхваляют и почитают все богословы, был потомком Пророка по отцовской или материнской линии?»

Один из мулл тотчас же заметил: «Только по материнской». «Тогда, – продолжал Куддус, – в чем вы обвиняете меня? Моя мать была признана жителями этого города прямым потомком имама Хасана. Не это ли делает ее и потомком Мухаммада? Раньше ее почитал каждый из вас».

Никто не осмелился возразить. Все знали, что Куддус сказал правду. Но это не остановило Саида уль-Уламу. Его разозлило то, что Куддус оказался прав и муллы были посрамлены. Он сорвал с головы Куддуса тюрбан, бросил на землю и сказал: «Ему удалось доказать вам, что он потомок имама Хасана, так пусть докажет теперь, что сам является Пророком Божиим!»

И тут князь, опасаясь за свою жизнь, поступил так же, как Понтий Пилат поступил с Иисусом. Князь сказал священнослужителям: «Я умываю руки». Это означало, что он снимал с себя всякую ответственность за то, что могло случиться с его пленником.

Потом князь вскочил на коня и поскакал в город Сари. Как только он покинул собрание, Саид уль-Улама приказал предать Куддуса смерти, и эта смерть была ужаснее и мучительнее смерти Иисуса. Сначала с Куддуса сорвали одежду и вывалили его в грязь. Потом его заковали в цепи и, босого, с непокрытой головой, повели по улицам. Каждый встречный мусульманин плевал ему в лицо. Люди бросались к нему, наносили удары ножами и кольями. А Куддус только шептал: «Прости их, Боже, они не ведают, что творят». Потом он воскликнул: «Яви им Свое милосердие, ибо они не знают того, что известно нам! Я старался указать им путь, который ведет к спасению, но они все восстали против меня. Укажи им, Господи, путь истины и обрати их невежество в веру». Последними его словами были: «Если бы моя матушка сейчас была здесь, она бы увидела собственными глазами мою славную свадьбу, мое обручение с Богом». Только он произнес это, как был изрублен на куски, а окровавленные останки его были брошены в костер. В полночь один из его друзей пришел на пепелище, собрал уцелевшие в огне кости и похоронил недалеко от места злодеяния.

Так оборвалась жизнь благородного Куддуса. Сколь ужасна была его кончина! Когда Баб узнал о мученической смерти Куддуса, то почти полгода не мог работать. Глубокая скорбь остановила Перо Откровения.

Эпилог

Первым великим мучеником, отдавшим свою жизнь за Веру, был Куддус, которого Баб называл «Последним именем Бога». Куддус, восемнадцатая Буква Живущего, был избран Бабом, чтобы сопровождать Его в Мекку и Медину. Куддус первым в Иране пострадал за Дело Божие.

В двадцать два года он встретил и признал Баба, а пять лет спустя его убили в родном городе Барфуруше.

Баб и Бахаулла написали много наставлений и молитв, посвященных Куддусу, в которых славили его за служение Вере. Бахаулла даже назвал его Последней Точкой отсчета, так как считал Куддуса самым святым из бабидов, стоявшим ближе всех к Самому Богу.

Литературные источники

- Абдул-Баха*. Воспоминания Верного. – Вильмет, 1971.
- Бахаулла, Абдул-Баха*. Мировая религия Бахаи – Вильмет, 1956.
- Шоги Эффенди*. Бог проходит рядом. – Вильмет, 1944.
- Эслемонт*. Бахаулла и Новая Эра. – Лондон, 1974; Вильмет, 1950.
- Набиль*. Предвестники рассвета. – Вильмет, 1932.
- Марта Рут*. Тахира, Великая женщина Ирана. – Карачи, 1938.
- Х. М. Балюзи*. Баб. – Оксфорд, 1973.